

ПОД ГОРОДОМ ЛЕЖИТ ВОЙНА

A movie poster for the film 'Under the City Lies War'. The title is written in large, stylized, metallic letters at the top. Below the title, four characters are shown in the foreground: a woman on the left, a man in the center holding a broken piece of a map, a man with a beard and headscarf behind him, and a young boy on the right. They are standing in front of a large, ancient, multi-layered city with many levels, bridges, and a large clock tower. The city is built on a hillside, and the architecture is a mix of classical and fantastical. The sky is dark and cloudy. The overall tone is dramatic and epic.

ДАМИР АСТАХОВ

Дамир Астахов

Под городом лежит война

<https://litres.ru/74629448>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студент-историк Матвей Горин приходит в себя в древней комнате под Аркатом — городом, построенным поверх семи ярусов руин. Глазурованные стены здесь хранят последние совместные действия погибших и при нагреве заставляют живых занимать их места.

Став придворным переводчиком, Матвей узнаёт: наследник Тарен собирается пробудить военный ярус и повторить легендарный поход основателя. Но в старых слоях нет следов внешнего врага. Под городом сохранена война против собственных жителей, а новой жертвой должна стать семья ремесленников, которая дала Матвею дом.

Чтобы остановить поход, ему придётся разрушить единственную плиту, способную хранить путь в его прежний мир, и доказать, что прошлое нужно понимать — но нельзя заставлять живых повторять его.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Комната без двери	5
Глава 2. Семь ярусов вниз	20
Глава 3. Переводчик осколков	41
Глава 4. Дом Кернов	59
Глава 5. Наследник у печи	73
Глава 6. Чужая рука	89
Глава 7. Стена из похорон	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Дамир Астахов

Под городом лежит война

От автора

Город почти никогда не стоит на пустом месте. Под улицами лежат прежние стены, под площадями — забытые дома, а в знакомом маршруте иногда повторяется путь человека, имени которого никто не помнит. Археолог читает такие следы не как готовую историю, а как спор вещей: где была дверь, почему заложили окно, кто перенёс очаг и чего не хватает в красивой версии прошлого.

В этой книге древний город умеет сохранять действия людей. Но память стены не равна истине. Она показывает последний жест и не объясняет, был ли он свободным, вынужденным или ошибочным. Герою придётся научиться отличать сохранённую роль от живого выбора — и решить, стоит ли знание о прошлом права повторить его.

Это история о выбранной семье, городе из множества слов и войне, которую легче разбудить, чем закончить.

Глава 1. Комната без двери

Первое, что я понял: потолок был слишком низким.

Я лежал на боку, щекой на тёплой пыли, и смотрел в ряд бирюзовых плиток в ладони от лица. Между ними темнели швы, ровные и тонкие, будто стену собрали вчера. Изображение на глазури повторялось: три согнутых пальца, чёрная черта под ними, медный кружок у запястья. Ни букв, ни привычного орнамента. Жест, превращённый в знак.

Пахло мокрой глиной и давно погасшей печью. Так пахнет в археологическом подвале, когда ящики с керамикой занесли с дождя и забыли открыть окна. Только окон здесь не было.

Я сел слишком резко и ударился затылком о потолок.

Боль вернула несколько последних мгновений моего мира: учебная практика, раскоп на краю старого города, вскрытый подвал, преподаватель сверху требует не лезть под осыпающийся свод. Я фотографирую кладку. В щели блестит синяя глазурь. Потом грузовик на дороге давит гудком, земля под локтем уходит, и я успеваю подумать, что замечание в отчёте будет очень злым.

Дальше — эта комната.

Я ощупал голову. Крови не было. Куртка, джинсы, ботинки остались на мне. Телефон лежал в кармане, но экран не зажёгся. Я нажал кнопку ещё раз, подержал, машиналь-

но протёр стекло рукавом. Ничего. Часы тоже остановились на четырнадцать семнадцати, хотя секундная стрелка у них никогда не останавливалась, пока я не забывал зарядить аккумулятор. Сейчас она вздрагивала на одном месте, словно пыталась шагнуть и не могла.

— Спокойно, Горин, — сказал я вслух.

Голос оказался чужим из-за глухого эха.

Комната была длиной шага в четыре, шириной в три. Я проверил это дважды, сперва на четвереньках, затем согнувшись. Потолок опускался к одному краю. Пол покрывали тёмно-жёлтые плиты, стены — бирюзовые, белые и почти чёрные. Ни двери. Ни проёма, заложённого камнем. Ни вентиляционной щели. И всё же воздух был пригоден для дыхания, а пыль на полу лежала не везде.

Вдоль чёрной стены тянулись пять чистых полос. Такие остаются, если люди часто ставят ноги в одни и те же места.

Я присел перед ближайшей. Пыль не была сметена недавно: в ней не было резкой границы, след заполнился мелкими песчинками. Но рисунок повторялся слишком правильно. Пять мест. Перед каждым на стене — знак руки. На противоположной стене — круги, соединённые линиями. В центре комнаты — прямоугольник из красноватых плит, похожий на след низкого стола.

Это не гробница, решил я. И не кладовая. Здесь люди располагались вокруг чего-то в центре.

Мысль была привычной, учебной, и потому успокаивала.

Когда тебе страшно, каталогизация иногда заменяет молитву.

Я провёл пальцем по шву. Раствор крошился, но плитка сидела крепко. На её краю проступали маленькие насечки. Они напоминали числа, хотя ни одна система счёта, которую я знал, так не выглядела: короткая риска, две ямки, косой крюк. На соседней плитке та же группа шла в другом порядке.

Я достал из рюкзака карандаш. Рюкзак каким-то чудом остался за спиной, только одна лямка надорвалась. Блокнот тоже был на месте. Я нарисовал план, отметил чистые полосы, цветные стены и прямоугольник. На слове «выход» остановился.

Выхода не было.

Я принялся простукивать стены рукояткой складного ножа. Бирюзовая отзывалась глухо. Белая — чуть выше. Чёрная у самого пола дала пустой звук, и сердце подскочило, но за плиткой обнаружилась узкая полость не глубже пальца. Я вытащил крошку раствора, посветил телефоном, бесполезно нажал кнопку ещё раз и полез туда карандашом. Грифель упёрся в камень.

Через десять минут я уже дышал слишком быстро.

Через двадцать начал считать вдохи.

Я не знал, сколько здесь воздуха. Не понимал, откуда берётся слабый медный свет. Он словно жил в самой глазури: не освещал углы, а только обозначал рисунки. Если это гал-

люцинация под завалом, кислород мог кончиться раньше, чем я очнусь. Если не галлюцинация, положение было ничуть не лучше.

Я снял куртку, обмотал кулак и ударил белую плитку. Боль прошла до локтя. На глазури не осталось даже царапины.

— Замечательно.

Я ударил снова, уже ножом. Лезвие скользнуло, срезало кусок раствора и едва не полоснуло мне ладонь. Из шва выдохнуло горячим воздухом.

Я замер.

Тепло шло не снаружи. Оно поднималось снизу, медленно, как от печи этажом ниже. Жёлтые плиты под ботинками стали заметно теплее. Медные кружки на стенах налились тусклым красным светом.

Пыль дрогнула.

Сначала мне показалось, что это от моего дыхания. Потом песчинки побежали по полу и легли ровными дугами вокруг красного прямоугольника. Не магия, сказал я себе. Воздушный поток. Вибрация. Подземный механизм. Любое слово годилось, лишь бы не то, которое первым приходило в голову.

Пальцы правой руки свело.

Я разжал их левой. Через секунду они снова сложились: большой прижат к ладони, указательный и средний согнуты, два остальных вытянуты. Точно как на бирюзовой плитке.

— Нет.

Я спрятал руку под мышку. Плечо дёрнулось. Локоть сам поднялся, словно кто-то тянул его за нитку. Я упал на колено у первой чистой полосы и ударился ногой именно в то место, где прежде стоял неизвестный человек.

В комнате стало тесно от чужого присутствия, хотя я по-прежнему был один.

Я не видел призрака. Не слышал голоса. Хуже: тело знало, что делать без меня. Спина выпрямилась под низким потолком. Левая ладонь легла на край красного прямоугольника. Правая поднялась к стене. Внутри не появилось ни чужой мысли, ни объяснения — только упрямая уверенность мышцы, много раз выполнявшей одно движение.

Я вцепился левой рукой в правое запястье.

Судорога усилилась. На стене разгорелся знак с тремя пальцами. Остальные четыре знака остались тёмными.

Пять мест, подумал я. Пять участников. Комната ждёт пятерых, а получила одного.

Моя правая рука потянулась к медному кружку. Я отшатнулся и сбил коленом рюкзак. Из бокового кармана выкатились четыре пластиковых колышка для разметки. Красный, два жёлтых и белый. Они рассыпались по полу, и один жёлтый лёг на вторую чистую полосу.

Знак напротив неё вспыхнул.

Я забыл о судороге.

Колышек ничего не нажал. Он просто занял место, обозначил его — цветом или положением. Я передвинул его

концом ботинка. Свет погас. Вернул — появился снова.

Не отдельная плитка. Расположение.

Я достал из рюкзака всё, что могло сойти за предмет на местах: бутылку воды, свёрнутую толстовку, футляр от очков. Разложил по чистым полосам. Белый футляр не вызвал ничего. Бутылка на третьем месте зажгла бледный круг. Толстовка — нет. Я менял предметы, наблюдая, как стена отвечает на форму и цвет, и впервые после пробуждения страх немного отступил. Передо мной была задача. Невозможная, опасная, но задача.

На стене у каждого места повторялся не только жест. Под ладонью были нанесены крошечные изображения: сосуд, свёрток, узкая палка, круглая печать. Я принял их за украшение, потому что пытался читать стену как надпись. Это был не текст. Это была расстановка людей и вещей.

Я поставил бутылку туда, где изображён сосуд. Свернул запасную футболку плотнее и положил у знака свёртка. Карандаш оказался слишком коротким для палки; я заменил его ножом в сложенном виде. Вместо печати подошла монета.

Четыре знака загорелись.

Пятый был моим.

Жар поднялся сразу, будто кто-то открыл заслонку. По стенам побежали тонкие красные жилы. Я хотел отступить, но правая нога сама встала на чистую полосу. Рука поднялась. На этот раз я не сопротивлялся первому движению —

только следил, куда оно ведёт.

Три согнутых пальца коснулись медного кружка.

Глазурь под ними стала мягкой.

Не расплавилась, не провалилась. На миг поверхность ощутилась как тёплая кожа. Мои пальцы повернулись влево, затем вниз. За стеной что-то тяжёлое сдвинулось. По чёрным плитам прошла трещина, совершенно прямая, от потолка до пола.

Чужое движение на этом не закончилось.

Я должен был опустить руку на красный прямоугольник. Я знал это так ясно, как знаю, где у меня рот, когда подношу кружку. Вместе со знанием пришло другое: если опущу, случится нечто окончательное. Пятеро делали это в спешке. Один стоял на моём месте. Он закрывал, не открывал.

Откуда я это понял, объяснить не могу. Не воспоминание. Скорее смысл движения, сохранённый в теле: толкнуть — значит закрыть заслонку, потянуть — открыть. Так и здесь. Ладонь уже шла вниз, а плечо помнило усилие, после которого пути назад не будет.

Я ударил себя ножом по предплечью.

Лезвие было сложено. Острая боль всё равно сбила движение. Я отдёргнул руку, налетел спиной на стену и смахнул бутылку с третьего места. Один из знаков погас. Жар оборвался.

Трещина в чёрной стене осталась.

Я всунул в неё нож и потянул. Плита отошла на толщину

пальца. Из щели хлынул холодный воздух, настоящий, с запахом дыма, навоза, пряностей и большого города. Я рассмеялся так громко, что сам испугался, потом навалился плечом. Стена двигалась тяжело, по дуге, как каменная дверь без ручки.

Снаружи кто-то закричал.

Я протиснулся в щель и вывалился на груды битого кирпича.

Надо мной было небо цвета выцветшего железа. Оно висело в узком промежутке между домами, которые росли один над другим. Первый стоял на каменной арке, второй опирался на первый деревянными столбами, третий нависал балконом, обшитым медными листами. Лестницы пересекали улицу на разных высотах. По ним бежали люди в длинных безрукавках, коротких куртках, платках и кожаных фартуках. Сверху плеснули воду, и струя ушла в желоб у моей руки.

Я лежал посреди строительной площадки или развалин. Вокруг торчали стены высотой по пояс. На верёвке сушились серые плитки. У большой круглой печи стояла женщина с железными щипцами.

Она первой перестала кричать.

Ей было лет двадцать восемь, может, тридцать. Тёмные волосы стянуты медной скобой, одна щека испачкана белой глиной. Она держала щипцы не как оружие, но я видел, что до моего лица ими можно дотянуться одним движением.

Женщина спросила что-то резко и коротко.

Я поднял обе руки.

— Не понимаю.

Она повторила медленнее. Я различил три слова, если это были слова: «хат», «сейра», «кен». Звуки не походили ни на один язык, который я слышал. Однако последний она произнесла, указывая на раскрытую стену.

Оттуда всё ещё шёл медный свет.

На площадку вбежал широкоплечий мужчина с двумя ведрами на коромысле. Он поставил их так быстро, что половина воды выплеснулась. За ним появился долговязый подросток, вооружённый обломком кирпича. Последней пришла старуха в синем платке. Она никого не оттолкнула, не закричала, просто посмотрела сначала на меня, потом на комнату — и перекрестила грудь жестом, которого я не знал.

Подросток сказал длинную фразу. В ней отчётливо прозвучало то же «кен».

— Если это означает «дурак, который вылез из стены», — ответил я, — то спорить пока не стану.

Мальчишка поднял кирпич.

Женщина со щипцами приказала ему опустить руку. Интонацию переводить не требовалось. Затем она указала на себя.

— Сая.

Я не сразу понял. Она снова коснулась груди.

— Сая Керн.

Потом указала на широкоплечего:

— Брен.

На подростка:

— Лис.

На старуху:

— Маира.

И вопросительно — на меня.

— Матвей, — сказал я. — Матвей Горин.

Она попробовала повторить. Получилось «Матвей Горен», с твёрдым ударением на втором слоге. Лис фыркнул. Сая одёрнула его взглядом и снова показала на комнату.

Я произнёс первое, что пришло в голову:

— Не знаю.

Четыре лица не изменились. Я развёл руками, показал на себя, затем внутрь, изобразил падение. Брен нахмурился. Лис сказал что-то насмешливое. Маира подошла ближе и взяла меня за запястье.

Я дёрнулся. Её пальцы оказались сухими и сильными. Она перевернула мою ладонь и увидела красный след от медного кружка: три дуги на подушечках пальцев и круг у основания большого. Потом подняла мою руку к свету.

Все заговорили разом.

Сая отпустила щипцы. Они упали на кирпич с таким звуком, что я вздрогнул. Она шагнула к проходу, но я схватил её за локоть.

Это было ошибкой. Брен одним движением заломил мне руку за спину и прижал лицом к влажной земле. Лис подско-

чил с кирпичом. Сая выкрикнула приказ. Давление ослабло, но не исчезло.

— Там опасно, — прохрипел я. — Жар. Рука сама...

Они не понимали.

Тогда я показал. Свободной рукой сложил три пальца, как на стене, и позволил кисти дёрнуться к воображаемому кругу. Маира резко сказала одно слово.

Брен отпустил меня.

Сая закрыла проход, толкнув каменную створку щипцами за край. Не до конца — оставила щель шириной в ладонь. Медный свет прочертил землю и лёг ей на сапог. Она отступила так быстро, будто свет обжёг.

Маира повторила слово, теперь тише:

— Арам.

Я показал на комнату.

— Арам?

Старуха покачала головой, коснулась виска, потом сложила руки перед собой и одновременно подняла обе, будто несколько людей выполняли один приказ.

Не комната. То, что она делала.

Я открыл блокнот на плане и присел. Четверо окружили меня, сохраняя расстояние. Нарисовал прямоугольник, пять мест, предметы на четырёх из них. Показал на свои пальцы, затем на знак. Сая выхватила карандаш — я едва успел разжать руку — и добавила к моему рисунку печь сбоку. Провела от неё волнистые линии к комнате. Я кивнул так энер-

гично, что заболел затылок.

— Жар. Да. Тепло.

Она коснулась печи, затем плит у прохода. Говорила медленно, указывая на каждую линию. Я выловил повторяющиеся слова. «Сур» относилось к жару или огню. «Кера» — к плитам. «Арам» — к совместному движению, приказу или памяти.

Археолог во мне уже строил версии. Здравый смысл требовал бежать подальше от стены, от этих людей и от всего города. Но бежать было некуда. За краем площадки улица падала вниз лестницами на несколько этажей. Дальше громоздились башни, мосты, крыши, печные трубы. И под каждой новой стеной торчал кусок старой: чёрный цоколь, бирюзовая арка, колонна с обрубленным верхом. Современный город не просто стоял на руинах. Он ел их, опирался на них и строил из них себя.

Высоко над крышами поднималась красная крепость. Её нижние стены были древними и чёрными, верхние — свежими, цвета обожжённой глины. На ветру хлопали медные полотнища.

Раздался колокол.

Люди на лестницах остановились. Кто-то указывал на площадку Кернов. Мой выход из стены заметили не только четверо.

Сая оценила улицу, крепость и меня. Решение она приняла мгновенно. Подняла мой рюкзак, сунула мне в руки, на-

кинула сверху грубый серый плащ и потянула к низкой двери за печью.

Лис возразил. Сая ответила. Он указал на меня, на крепость, потом провёл пальцем по горлу. Значение было достаточно ясным.

Брен снова поднял коромысло. Маира взяла щипцы и с неожиданной ловкостью загребла кирпичную крошку к щели, скрывая медный свет. Каждый занялся своим делом без дальнейших споров, как будто они много лет умели спасать друг друга от неприятностей.

Их слаженность напомнила мне пять мест в комнате.

Я остановился на пороге.

Правая рука опять сложила три пальца.

На этот раз судорога была слабой, но я почувствовал направление: назад, к медному кругу, завершить начатое. Вместе с нею пришла уверенность, чужая и холодная, что люди снаружи мешают исполнить долг. Нужно вернуться. Поставить предметы. Опустить ладонь на красный стол. Закрыть проход навсегда.

Я сжал кулак и ударил им по косяку.

Сая оглянулась. Я показал ей дрожащие пальцы.

Она не стала задавать вопросов, которых я всё равно не понял бы. Схватила горсть холодной глины из кадки и облепила мне ладонь до запястья. Прохлада приглушила судорогу. Затем втокнула меня в дом.

Внутри было темно. Пахло хлебом, золой и сушёнными

травмами. На лавке лежал недошитый сапог, под потолком висели кружки, в углу стояла детская деревянная лошадь с отломанной ногой. Обычные вещи, каждая на своём месте. После комнаты без двери от их беспорядка хотелось смеяться.

Сая задвинула засов и прислонилась к двери спиной.

Снаружи уже стучали в ворота мастерской.

Мужской голос произнёс несколько властных фраз. Я узнал только одно слово — «кера», плиты.

Сая приложила палец к губам. Потом указала на мою грудь, на пол и повторила:

— Матвей. Кен.

Я решил, что «кен» значит оставаться. Кивнул.

Она вышла через вторую дверь, оставив меня одного среди чужой посуды и семейных вещей. За стеной Брен отвечал пришедшим ровно и скучно. Лис перебил его, получил шлепок или подзатыльник — послышался возмущённый вскрик. Маира закашлялась так убедительно, будто собиралась умереть прямо перед незванными гостями.

Я сел на пол. Глина на ладони начала подсыхать и трескаться. Под ней красные знаки медленно бледнели.

В блокноте мой план комнаты выглядел нелепо аккуратным. Пять мест. Четыре предмета. Один человек, которого помещение заставило выполнить работу пятерых.

Я подписал страницу, хотя ещё не знал, кому оставляю запись:

«Комната хранит не слова. Она хранит порядок дей-

ствий».

Потом добавил:

«Если я снова скажу, что должен туда вернуться, не верьте мне».

За стеной ударил второй колокол. Город ответил ему сотней шагов на лестницах, скрипом мостов, криками торговцев и гулом печей. Под полом дома что-то едва слышно щёлкнуло, словно остывающая плитка.

Моя правая рука лежала спокойно.

Но теперь я знал: спокойствие ещё не означало, что она принадлежит только мне.

Глава 2. Семь ярусов вниз

Люди у ворот ушли не сразу.

Я слышал, как один из них дважды стукнул древком по камню, а затем заговорил тем особенным тоном, которым чиновник сообщает, что просьба уже считается приказом. Брен отвечал коротко. Сая — ещё короче. Маира кашлянула в нужном месте, и суровый голос за стеной сбился. Наверное, даже в другом мире человеку неприятно спорить со старухой, которая вот-вот умрёт у него на сапогах.

Я сидел на полу, обхватив колени, и смотрел на детскую лошадь в углу. У неё не хватало передней ноги, зато гриву кто-то недавно подкрасил синей краской. Значит, вещь не выбросили. Починили то, что могли, и оставили ждать остального.

За дверью скрипнули ворота. Шаги удалились. Я досчитал до ста и только тогда позволил себе выдохнуть.

Засов поднялся. Вошёл Брен. Без коромысла он казался ещё шире: плечи почти касались косяков. В руках у него были мой рюкзак и свёрток серой ткани. Он положил рюкзак передо мной, затем ткнул пальцем в плащ, в мою одежду и отрицательно мотнул головой.

— Не нравится университетская толстовка? — спросил я.

Он не улыбнулся. Поднял капюшон плаща, натянул себе на голову и показал на меня.

Переодевание заняло минуту. Плащ пах дымом, мокрой шерстью и ещё кем-то, кто носил его до меня. Рукава оказались коротки, зато капюшон закрывал лицо до подбородка. Брен забрал мою яркую куртку, сунул её в рюкзак, а рюкзак спрятал под лавку. Потом подал мне пустой глиняный кувшин.

— Брен, — сказал он, показывая на себя. — Матвей.

Два пальца изобразили ходьбу.

— Вместе?

Он связал наши имена новым словом:

— Тава.

Я записал его на полях блокнота. Брен увидел карандаш, нахмурился и решительно закрыл книжку моей же ладонью. Затем указал на дверь, на свои глаза и дважды постучал по виску.

Смотреть и запоминать. Не писать на улице.

Понять это было нетрудно. Труднее оказалось подняться. После всего, что случилось в комнате, ноги дрожали так, будто я несколько часов карабкался по осыпи. Брен заметил, но помощи не предложил. Он просто подождал, пока я встану сам.

Снаружи мастерская выглядела почти обычно. Маира подметала кирпичную крошку. Лис перекладывал плитки у печи и делал вид, что совершенно не интересуется мной. Сая замазала щель в древней створке толстым слоем серой глины. Медный свет исчез. Если не знать, куда смотреть, стену

можно было принять за старый фундамент, который случайно открыли при ремонте.

Сая поймала мой взгляд, показала два пальца, потом на улицу и вниз. Брен повторил:

— Тава.

Она вручила ему плоскую медную бляху на шнурке. Брен спрятал её за ворот. Затем Сая коснулась моего глиняного браслета, слепленного вокруг запястья, и добавила свежую холодную полосу. Её пальцы двигались осторожно, но не робко. Она проверяла не меня, а свою работу.

Я хотел спросить, куда мы идём и почему меня вообще выводят из единственного места, где согласились спрятать. В моём распоряжении были слова «жар», «плиты», «оставаться» и, возможно, «вместе». Для серьёзного разговора мало-вато.

Брен взял два настоящих кувшина, повесил на плечо котомысло и кивнул мне. Я подхватил пустой сосуд.

Так я вышел в Аркат под видом человека, который знает, зачем ему кувшин.

Улица за воротами была шириной в три шага и не имела ни начала, ни конца. Влево она ныряла под дом. Вправо превращалась в лестницу, наложенную поверх другой, более старой лестницы. Над головой висели балконы, настилы и верёвки с бельём. Женщина на третьем этаже торговалась с корзинщиком, стоявшим этажом ниже, и передавала ему монеты в чулке на шнуре. Между ними пробежала девочка,

не касаясь земли: перескочила с балкона на лестничную площадку, проскользнула по мостку и исчезла за дымоходом.

Я задрал голову. Брен тут же стукнул меня пальцами по капюшону.

— Кен, — сказал он и показал вперёд.

Значит, я ошибся. Или слово означало не «оставаться», а «стой как надо», «не двигайся не туда», «держись». Я мысленно поставил рядом со своей первой записью вопросительный знак.

Мы пошли вниз.

Первые две лестницы были деревянными. Третья состояла из чёрных каменных ступеней, истёртых посередине до гладкой впадины. Ступени уходили под стену жилого дома и появлялись снова через два пролёта. На повороте хозяин лавки использовал древнюю колонну вместо прилавка: разложил на её срезе связки сушёной рыбы. Капитель колонны, перевёрнутая вверх основанием, служила поилкой для коз.

Я слишком долго смотрел на резной поясok под рыбьими хвостами. Брен перехватил мой локоть, прежде чем в меня врезался мальчик с корзиной угля.

В нашем мире раскоп стоял отдельно от живого города. Его обносили сеткой, снабжали табличкой, выдавали пропуска. Здесь раскопом было всё. Люди забивали гвозди в кладку, которая могла быть старше их языка. Варили похлёбку в бронзовом шлеме без назатыльника. Подпирали дверь обломком каменной руки. Это должно было ужасать меня

как историка. Вместо ужаса я чувствовал зависть к каждой вещи, которую можно было взять в ладони.

Потом я увидел, как сапожник швырнул треснувшую бирюзовую плитку в корзину с топливом.

Я остановился.

Плитка была покрыта линиями, похожими на те, что светились в комнате. Один край блестел свежим сколом. Сапожник поднял её, чтобы сунуть под жаровню.

— Нет! — выкрикнул я.

Лица повернулись ко мне.

Брен шагнул между мной и лавкой. Он забрал плитку у сапожника, что-то спросил, получил раздражённый ответ и протянул медную монету. Сапожник мгновенно подобрел. Брен сунул обломок мне под плащ и потащил дальше.

За следующим углом он прижал меня к стене.

— Кера, — сказал я, показывая спрятанную плитку. — Арам.

Он покачал головой. Взял мою руку, приложил к холодной глазури, потом указал на ближайшую хлебную печь. От неё шёл жар. После этого показал на плитку и отрицательно мотнул головой.

Нет жара — нет действия. Пока нет.

Брен вытащил обломок, постучал по нему ногтем и произнёс несколько слов. Одно повторил трижды:

— Сай.

Я решил, что речь о Сае, и кивнул. Он раздражённо вы-

дохнул, указал на голубую поверхность, затем на красную крышу, на белую рубаху проходившего мужчины и на чёрную стену.

— Сай, — сказал он о голубом. — Рат. Эль. Мур.
Цвета.

Я повторил, тыкая пальцем в нужные предметы. Брен поправил моё произношение и только тогда вернул плитку под плащ. Сапожник продал нам не древний приказ, а урок из четырёх слов.

Ниже воздух стал влажнее. Дома уже не нависали, а теснились один за другим вдоль широкой площадки. По её середине тянулся открытый желоб. Вода бежала мутная, с шелухой и щепками, однако люди несли кувшины к каменной будке в дальнем конце. Над будкой висел знак: три белые волнистые черты.

Брен коснулся груди.

— Брен. Вар.

Он показал на воду.

— Вар.

Водонос. Или просто вода. Возможно, его имя значило что-нибудь вроде «тот, кто тащит проклятые кувшины», но спрашивать было нечем.

У будки нас ждала очередь. Брен поставил сосуды и занял место. Я повторил. Никто не смотрел на меня дольше секунды: серый плащ, глиняный кувшин, человек рядом с известным водоносом. В городе, где все были заняты грузом

и лестницами, правдоподобная ноша заменяла документы.

На стене будки я заметил семь горизонтальных зарубок. Верхняя была окрашена красным, следующая охрой, третья белым. Ниже шли синяя, серая, зелёная и чёрная. Рядом висели семь деревянных жетонов тех же цветов. Люди отдавали смотрителю разные жетоны, и он открывал одну из семи труб.

Я дотронулся до зарубок и вопросительно посмотрел на Брена.

Он счёл на пальцах от одного до семи. Для каждого числа коснулся своей зарубки, а затем показал: наверх, прямо, ниже, ещё ниже. Потом обеими ладонями изобразил слои, положенные друг на друга.

Семь.

Я повторил местное слово за ним:

— Седар.

Брен постучал по четвёртой, синей зарубке и показал на площадку вокруг нас.

Мы находились на четвёртом ярусе.

Красная крепость, которую я видел от мастерской, стояла на первом — самом верхнем. Мастерская Кернов, судя по жестам, располагалась на третьем. Вода приходила откуда-то снизу, но право открыть трубу подтверждал цветной жетон каждого яруса. Брен носил её вверх тем, кто не мог или не хотел спускаться.

Когда подошла наша очередь, смотритель увидел меня.

Его рука осталась на задвижке. Он спросил Брена и прищурился под мой капюшон.

Брен вытащил медную бляху Саи. На ней была выдавлена печь и три плитки. Смотритель потер знак большим пальцем, перевернул, снова посмотрел на меня.

Я понял: мастерская отвечала за меня своим именем.

Брен сказал длинную фразу, в которой я различил «Сая», «кера» и «това» — возможно, работа. Смотритель хмыкнул и открыл синюю трубу. Вода ударила в кувшин с такой силой, что Брену пришлось придерживать его коленом.

Мой сосуд остался пустым.

Я показал на него. Брен покачал головой, указал вниз и сказал:

— Вар. Мур.

Чёрная вода? Нижняя вода? Он поднял заполненные кувшины на коромысло, мой взял под мышку и направился к лестнице, ведущей ещё глубже.

Там не было дерева. Ступени вырубili в толще древней стены. По правую руку кладка была чёрной и ровной, по левую — сложенной из разномастных кирпичей. На каждом пролёте старый город проступал сильнее. Из стены торчала запаянная труба толщиной с мою руку. Ниже мы прошли под аркой, покрытой изображениями рыб, хотя воды вокруг не было. Ещё ниже лестница разрежала помещение пополам: с одной стороны семья сушила лук, с другой за занавеской кто-то спал.

Я начал различать ярусы не по цвету меток, а по тому, как люди обращались с прошлым.

Наверху его выставляли напоказ. Древние чёрные блоки в основании крепости были очищены, швы подведены красной краской, у лестниц стояли стражники.

У Кернов прошлое было материалом. Сая отбирала плитки, дробила негодные, смешивала крошку с глиной и знала, какие стены опасно греть.

На четвёртом ярусе древность стала хозяйством. По трубам пускали воду, в чашах держали зерно, на колоннах разделявали рыбу.

На пятом она была жильём.

Здесь современные дома почти исчезли. Люди перекрывали древние коридоры занавесями, вставляли двери в проломы и разводили маленькие очаги в каменных нишах. Потолки были низкими, улицы — крытыми. Свет проникал через колодцы между этажами. В одном таком колодце висели десятки зеркал из полированного металла; солнечный луч прыгал с одного на другое и рассыпался по подземной площади тусклыми золотыми пятнами.

Дети гоняли тряпичный мяч по мозаике, изображавшей строй людей с копьями. Каждое попадание мяча в щит вызывало смех.

Брен отвёл меня к стене, где краска сохранилась лучше. Семь фигур стояли плечом к плечу. За ними поднимались семь зубчатых линий. Перед ними не было врага — только

пустое поле из синей глазури.

Я наклонился ближе. У каждой фигуры одна рука лежала на плече соседа. Вторая была вытянута вперёд. Я уже видел согнутые пальцы, слишком похожие на жест из комнаты без двери.

Правая кисть дрогнула.

Холодная глина на запястье треснула.

Я отступил, но позади оказался ребёнок. Чтобы не сбить его, шагнул вбок — точно на светлую полосу мозаики. Нога замерла. Плечо потянулось к пустому месту слева, где когда-то должен был стоять ещё один человек.

Не воспоминание. Привычка, которой у меня никогда не было.

Я стиснул кувшин двумя руками. Край впился в ладони. Боль помогла, но не освободила. По стене шёл тёплый воздух от соседней кухни. Совсем слабый жар, однако несколько синих кусочков уже блестели глубже остальных.

— Брен.

Он обернулся сразу.

Я не мог объяснить. Показал глазами на стену, затем на руку. Брен поставил воду и рывком стащил меня с полосы. После этого снял плащ и набросил его на мозаику. Свет исчез. Тяга в плече оборвалась.

Дети возмущённо закричали: им закрыли ворота для мяча. Из соседней двери вышла женщина с половником. Брен бросил ей монету и что-то сказал, указывая на кухонный

очаг. Женщина перестала сердиться. Она затушила угли крышкой.

Я сел прямо на пол.

Брен присел напротив. Он взял мою кисть, разжал пальцы и осмотрел следы, оставленные кувшином. Потом спросил:

— Арам?

Я кивнул.

Он указал на стену:

— Арам.

Затем на меня:

— Арам?

Вопрос был страшнее, чем звучал. Действие находилось в стене или уже во мне?

Я приложил палец к стене, потом к своей груди.

— Арам. Тава.

Вместе.

Брен долго смотрел на меня. Затем поднялся, отдал женщине ещё одну монету и попросил о чём-то. Она принесла мокрую тряпку. Он обмотал мне запястье поверх глины и завязал узел зубами.

Мы продолжили путь.

Пятый ярус кончился у круглого провала. По его стенам спускалась винтовая лестница без перил. Далеко внизу горели зелёные огни. Я заглянул через край и невольно отшатнулся.

Брен усмехнулся впервые с нашего выхода. Показал на ме-

ня, на провал и развёл руками: испугался?

— Я высоты не боюсь, — сказал я. — Я боюсь лестниц, которые строил человек, ненавидевший перила.

Он ничего не понял, но мой тон ему понравился. Брен хлопнул меня по плечу и начал спускаться.

На шестом ярусе пахло мокрой землёй и известью. Здесь почти не жили. В длинных помещениях стояли каменные ящики, некоторые закрытые, другие превращённые в лари и скамьи. По стенам тянулись белые плитки с простыми изображениями: ладонь, чаша, свёрнутая ткань, закрытый глаз.

Склепы, подумал я.

И сразу усомнился. Слишком много бытовых вещей. Может быть, больница. Приют. Место омовения. Я заставил себя не решать раньше времени. Один красивый ответ уже стоил археологии слишком многих ошибок.

Брен здесь не шутил. Он коснулся лба, груди и пола. Затем показал мне идти по середине коридора и не трогать стены.

Мы миновали людей в белых передниках. Двое замазывали пролом известью, третий записывал что-то на узкой дощечке. У их ног лежала куча снятых плиток. Не разбитых — аккуратно отделённых.

Один рабочий окликнул Брена. Они обменялись словами. Брен показал медную бляху Саи, рабочий — на кучу. Я услышал «кера», «сур» и ещё одно слово, повторённое с раздражением: «арк».

Арк.

Так могла называться крепость, правитель или сам город. Рабочий ткнул пальцем вверх и сжал кулак. Брен ответил спокойно, но его плечи напряглись. Потом он забрал из кучи маленький белый осколок и получил удар по пальцам.

Рабочий указал на дощечку. Учтено. Забрать нельзя.

Брен вернул обломок. Когда мы отошли, он тихо произнёс несколько слов и сплюнул в сухой желоб.

Власть собирала плиты шестого яруса. Не мусор, который можно было купить у сапожника, а целые части комнат.

Я вспомнил людей у ворот мастерской. Они спрашивали о «кера». Комната открылась, прозвенел колокол, и кто-то сразу пришёл проверять находку. Значит, охотились не только за белыми плитами здесь. Искали всё, что могло хранить действие.

Брен повёл меня дальше, но я остановился у стены. Между изображениями чаши и ткани сохранилась тонкая полоса знаков. Не буквы — я уже научился не называть буквами всё подряд. Повторялись группы из коротких черт, и каждая стояла напротив углубления в полу. Таких углублений было двенадцать.

Я поставил пустой кувшин в одно.

Брен схватил меня за плечо, но ничего не произошло. Здесь было холодно. Я переставил сосуд во второе углубление. Его дно совпало с кругом точнее. На плитке напротив виднелась чаша.

Не могила. Не обязательно.

Я показал Брену: кувшин, углубление, изображение. Потом на белые плиты в куче и на людей в передниках. Он понял хотя бы вопрос. Ответил медленно, пользуясь жестами. Ладонь у щеки — сон или ребёнок. Руки, несущие кого-то. Палец вверх. Затем раскрыл пустые ладони.

Людей уносили отсюда наверх? Или души? Он не знал.

Я нарисовал в пыли двенадцать кругов и поставил кувшин в один из них. Брен добавил рядом маленькую фигурку. Потом перечеркнул её.

Умершие.

Склеп всё-таки был хорошей версией, но чаши и ткани оставались. Я записал вопрос в памяти, потому что блокнот доставать не решился.

Седьмой ярус начинался за решёткой.

Она была новой, железной, с замком размером с мой кулак. За ней вниз уходила широкая улица. Не коридор — настоящая улица с фасадами домов, фонтаном и деревьями из зелёной глазури. Каменные ветви тянулись под потолком. На мостовой лежала пыль, не тронутая следами.

В темноте далеко впереди что-то мерцало медью.

Брен поставил воду. Из-за пояса он достал не ключ, а тонкий крюк. Я вопросительно поднял брови.

Он показал на мой пустой кувшин, потом за решётку. Чёрная вода была там.

Замок открылся после третьего движения. В нашем мире я счёл бы Брена человеком с полезным, но подозрительным

талантом. Здесь я лишь подхватил кувшин и вошёл следом.

За решёткой стало тихо. Гул города остался наверху, будто семь ярусов были не расстоянием, а толщиной закрытой двери. Наши шаги расходились эхом. На стенах сохранилась глазурь: зелёные полосы внизу, синие над ними, чёрные у потолка. Я коснулся зелёной — холодная.

Брен отвёл мою руку.

Мы дошли до фонтана. Вода поднималась из трещины между камнями и стекала в древнюю чашу. Совсем тонкая струйка, прозрачная даже в полумраке. Брен наполнил мой кувшин, потом зачерпнул воду ладонью и выпил.

— Вар мур, — сказал он.

Вода нижнего, чёрного яруса.

Я попробовал. Она была холодной, с привкусом железа, но чистой.

На краю чаши шли знакомые предметные знаки. Сосуд. Ладонь. Палка. Круг. Пять мест, только теперь они располагались не в комнате, а вокруг фонтана.

Я отшатнулся так резко, что расплескал воду.

Брен увидел знаки. Его лицо изменилось. Он оглянулся на решётку, затем на тёмную улицу. Мы пришли сюда не ради урока и не ради прогулки. Он хотел проверить, отзовусь ли я на другое древнее место.

— Ты знал, — сказал я.

Он не понял слов, но понял обвинение. Не стал отпираться. Коснулся медной бляхи Саи, затем указал на меня и на

фонтан. Сая послала его. Или разрешила.

Я поставил кувшин на землю и отступил от чаши.

Правая рука оставалась моей.

Жара не было. Расстановка не была полной. Фонтан спал.

Я показал на знаки, на свой глиняный браслет, потом сложил руки у щеки.

— Арам кен. Спит.

Брен повторил моё движение и произнёс слово:

— Нер.

Спит.

Он указал на фонтан:

— Арам нер.

Я кивнул. Взял его за запястье, приложил ладонь к холодной чаше, а затем показал на далёкое медное мерцание. Там, глубже по улице, мог находиться источник жара. Или ещё одна активная комната.

Брен снял мою руку и отрицательно мотнул головой.

Мы спорили жестами. Я хотел хотя бы подойти ближе и увидеть, что светится. Он показывал вверх, на воду, на воображаемое солнце: пора возвращаться. Я рисовал в пыли пять мест. Он стирал рисунок сапогом. Наконец Брен ткнул пальцем мне в грудь, потом в сторону мастерской и сказал:

— Сая. Кен.

Теперь смысл был яснее. Сая ждёт. Или Сая велела вернуть меня.

Я уступил. Не потому, что перестал хотеть узнать, что бы-

ло вниз. Я слишком хорошо помнил, как желание закончить чужое движение казалось моей собственной мыслью. Любопытство тоже могло быть не только моим.

У решётки я оглянулся.

Медный свет стал ярче. На одно мгновение мне показалось, что по пустой улице движутся люди. Они шли без звука вдоль фасадов, каждый нёс на плече длинный предмет. Копьё или трубу. Впереди шагал человек с поднятой рукой.

Я моргнул. Улица снова была пуста.

Брен захлопнул решётку и запер её. Крюк вернулся за пояс.

Подъём оказался тяжелее спуска. Теперь я нёс полный кувшин, и каждый пролёт напоминал, сколько города лежит у нас над головой. На шестом ярусе рабочие продолжали снимать белые плиты. На пятом дети убрали плащ с мозаики и снова играли. Брен проверил стену ладонью: она остыла. На четвёртом мы отдали воду женщине, которая ждала у лестницы с двумя малышами. Она расплатилась хлебной лепёшкой. Половину Брен вручил мне.

Я ел на ходу. Лепёшка была кислой, горячей и лучшей едой в моей жизни.

На третьем ярусе нас остановили двое в красных накидках. Те самые или другие — я не мог определить. Один носил на груди знак раскрытой ладони над тремя ступенями. Он посмотрел на меня, на пустое место на коромысле, затем потребовал что-то у Брена.

Брен поставил кувшины. Показал медную бляху Саи. Человек в красном её не взял. Он откинул мой капюшон. Я увидел узнавание. Не моего лица — чужой одежды, волос, всего несоответствия сразу.

Он произнёс слово «арк» и указал вверх, к крепости.

Брен встал между нами.

Второй страж положил руку на рукоять короткого меча. Прохожие ускорили шаг. В окнах исчезли лица. Я держал кувшин обеими руками и лихорадочно искал хоть одну фразу, которой можно было объяснить себя.

Из переулка вылетел Лис.

Он нёс корзину с обломками плит. Подбежал к нам, поскользнулся — слишком красиво, чтобы случайно, — и рассыпал керамику под ноги стражникам. Один выругался. Лис начал собирать осколки, непрерывно тараторя. Он показывал на меня, на Брена, на плитки, на мастерскую. Потом схватил голубой обломок и громко произнёс:

— Сай!

Красный:

— Рат!

Белый:

— Эль!

Чёрный:

— Мур!

Стражники расхохотались.

Лис представлял меня немым или бестолковым учеником,

которого Брен водил учить цвета. Это было унижительно и спасительно.

Я послушно повторил:

— Сай. Рат. Эль. Мур.

Первый страж сказал что-то насмешливое. Я услышал знакомое «това». Работа. Брен кивнул, поднял коромысло и потащил меня прочь. Лис собрал корзину и пошёл следом, продолжая изображать наставника. Только за двумя поворотами он замолчал.

Брен отвесил ему подзатыльник.

Лис возмутился, но довольно. Я протянул ему остаток лепёшки. Он взял, подумал, отломил треть и вернул мне. Это было первым соглашением между нами, не потребовавшим перевода.

В мастерскую мы вернулись перед сумерками. Сая встретила нас у ворот. Она проверила кувшины, пересчитала нас, заметила мокрую повязку на моём запястье и замерла.

Брен рассказал всё. Я не понимал фраз, но узнавал места по его движениям: мозаика, белые комнаты, решётка, фонтан. Когда он изобразил пять мест вокруг чаши, Сая ударила его ладонью в грудь. Не сильно, но так, что он отступил. Потом показала на Лиса и Маиру, на дом и на себя. На нас всех. Брен опустил голову.

Он рисковал не только мной. Если бы нижняя комната проснулась, последствия могли подняться по трубам, стенам или по нему самому.

Я вытащил из-под плаща голубой обломок, купленный у сапожника. Сая взяла его щипцами, хотя плитка была холодной. Осмотрела край, лизнула скол, постучала о кирпич. Затем отнесла к маленькой чаше и соскребла крупинку глазури в воду.

Вода окрасилась зелёным.

Сая произнесла два слова:

— Кера сedar.

Плита седьмого яруса.

Но сапожник нашёл её гораздо выше.

Я сел у стены и наконец открыл блокнот. Нарисовал семь полос. На первой — крепость. На третьей — печь Кернов. На четвёртой — трубы. На пятой — мозаику. На шестой — белые комнаты. На седьмой — фонтан и тёмную улицу. Рядом с голубым обломком провёл стрелку снизу вверх.

Сая следила за карандашом. Потом забрала его и добавила свои стрелки. Много стрелок. От шестого и седьмого ярусов к крепости.

Внизу разбирали комнаты. Наверху собирали их заново.

Маира принесла лампу и поставила рядом. В её свете Сая нарисовала красную крепость, а внутри — пять мест, похожих на те, из которых я выбрался. В центре поставила знак раскрытой ладони. Тот же знак носил стражник.

Затем назвала имя:

— Тарен Арк.

Я повторил.

Сая коснулась рисунка крепости, сложила пальцы в жест древней стены и медленно опустила ладонь на воображаемый стол.

Мне стало холодно, хотя печь рядом ещё не остыла.

Наследник — если я правильно понял её жесты — собирал комнату. Для чего, мы пока сказать друг другу не могли. Но по всему городу уже поднимали плиты из старых ярусов. И люди власти пришли к Кернам сразу после того, как открылась новая дверь.

Я дописал под схемой:

«Аркат стоит не на семи мёртвых городах. Все семь ещё действуют».

Подумал и добавил:

«Кто-то наверху собирает их действия в одном месте».

Правая рука дрогнула. На этот раз не к древней стене, а к нарисованной крепости.

Я накрыл её левой ладонью.

За день я увидел весь Аркат сверху вниз и не нашёл ни одного пустого слоя. В каждом жили, торговали, хоронили, таскали воду, играли дети. Если Тарен Арк действительно хотел разбудить прошлое, он собирался разбудить его не под городом.

Он собирался сделать это внутри города, полного живых людей.

Глава 3. Переводчик осколков

Утром крепость прислала за мной кресло.

Не стражу, не телегу и не человека с приказом. Четверо носильщиков внесли во двор мастерской высокое кресло из красного дерева, поставили перед печью и отошли. На сиденье лежала белая плитка величиной с ладонь. На спинке был вырезан знак раскрытой руки над тремя ступенями.

Тот же знак я видел на груди стражника.

Сая не притронулась к креслу. Брен поставил коромысло у стены и тоже остановился. Лис обошёл подарок кругом, заглянул снизу, нашёл что-то на задней ножке и показал Майре. Старуха сплюнула через левое плечо.

Носильщики ждали.

Старший произнёс длинную заученную фразу. Я различил имя Тарена Арка, слово «кера» и ещё одно, которое вчера слышал у водяной будки: «това», работа. Потом он указал на меня, на кресло и вверх, к красной крепости.

— Приглашение, — сказал я. — Очень удобное. Даже отказать нельзя, потому что они уже принесли место, на котором я должен согласиться.

Лис фыркнул, не поняв слов, но уловив тон.

Сая подошла к белой плитке. Не взяла — наклонилась и понюхала глазурь. Потом поднесла к ней тыльную сторону ладони, проверяя тепло. Плитка была холодной. Сая посмот-

рела на меня и спросила:

— Матвей кен?

Теперь я знал достаточно, чтобы не отвечать кивком на незнакомое окончание. Показал на себя, на крепость, затем вопросительно развёл руками.

Она повторила медленнее. Показала на дом, сжала кулак, прижала к груди. Потом на кресло и раскрыла ладонь.

Остаться или идти — выбор за мной.

Так, по крайней мере, она хотела сказать. Кресло во дворе и четверо крепких носильщиков подсказывали другое.

Я посмотрел на замазанную дверь комнаты. За ней лежали мои бутылка, толстовка, нож и монета — четыре вещи, которыми я подменил четырёх отсутствующих людей. В крепости собирали такие же комнаты из обломков, поднятых со всего города. Если я останусь, люди Тарена всё равно вернутся. Тогда выбирать придётся уже Кернам.

Я коснулся груди, указал вверх и сказал:

— Матвей. Тарен. Тава.

Вместе прозвучало неуместно. Лис скорчил лицо. Брен поправил меня, произнеся новое слово:

— Дар.

Идти.

— Матвей дар Тарен.

Сая поняла. Схватила меня за край плаща и резко произнесла несколько фраз. Потом ткнула пальцем в глиняный браслет на моём запястье, в кресло и в печь. Я выловил два

знакомых слова: «сур» и «арам».

Не греть. Не садиться туда, где могли сохранить действие. Не доверять красивой мебели из крепости.

Я обошёл кресло и присел на корточки рядом с Лисом. На задней ножке виднелась свежая полоска серой глины. Под ней была выемка, куда мог вставляться небольшой обломок. Кресло собрали или починили недавно. Возможно, оно было обычным. Возможно, ему не хватало одной детали, чтобы перестать быть обычным.

Я поднялся и показал носильщикам, что пойду пешком. Старший пожал плечами. Двое снова подхватили кресло. Значит, оно предназначалось не для дороги.

Сая вытерла руки о фартук, сняла с крюка кожаную сумку с инструментами и встала рядом со мной.

Носильщик возразил. Она подняла медную бляху мастерской и назвала себя так, словно одного имени было достаточно для любого пропуска:

— Сая Керн. Кера тава.

Плиточная работа. Мастер нужен при плитах.

Её взяли. Брен и Лис остались во дворе. Маира подошла ко мне перед самым выходом, обеими руками сжала мою правую кисть и медленно разогнула пальцы. Потом вложила в ладонь кусочек хлеба.

Я решил, что это напутствие. Лис немедленно откусил от своего куска и показал, что хлеб надо просто съесть.

Дорога наверх оказалась короче, чем вчерашний спуск, но

тяжелее. Нижние лестницы были общими: по ним шли водоносы, торговцы, дети, люди с корзинами угля. К крепости вела отдельная лестница, прямая и широкая. По её середине поднимались те, у кого не было груза. Носильщики с креслом держались края. Сая тоже ушла вправо и потянула меня за собой.

На каждом пролёте стояла медная чаша с углями. Жар был слабым, но я всё равно следил за рукой. Она не дёргалась. Ступени, стены и чаши не складывались в знакомую расстановку.

Первый двор крепости был вымощен красными плитами. Второй — белыми. В третьем лежала чёрная глазурь, такая гладкая, что в ней отражались ноги. Цвета я уже знал и шептал их про себя: рат, эль, мур. Слово давало вещи имя, а имя немного уменьшало страх.

Нас провели не в башню, а в длинное низкое здание, пристроенное к древней стене. У дверей Саю остановили. Она спорила, показала бляху и сумку. Стражник выслушал, затем указал на скамью снаружи.

Я не хотел входить один. Сая тоже этого не хотела. Но отступить значило показать людям крепости, что без неё я бесполезен. Возможно, так и было, только сообщать об этом заранее не следовало.

Я коснулся холодной глины на запястье и сказал:

— Матвей дар. Сая кен.

Она сердито поправила узел повязки, будто я был учени-

ком, который неправильно держит щипцы. Затем вложила мне в руку короткую деревянную палочку. Один конец был обуглен.

Рисовать.

Внутри пахло пылью, маслом и горячим металлом. Комната тянулась вдоль стены. На полках стояли сотни обломков, разложенных по цвету. Красные отдельно, белые отдельно, голубые в дальнем углу. У каждого лежала деревянная бирка. Трое писцов за столами переписывали знаки с глазурь на длинные полосы тонкой кожи.

Я остановился у первого же стола.

Писец держал плитку боком. Знак, который в правильном положении напоминал чашу на подставке, превратился у него в лодку. На коже он уже нарисовал мачту.

Я повернул обломок.

Писец ударил меня по пальцам линейкой.

— И тебе доброе утро, — сказал я.

Он поднялся, возмущённо позвал стражу, но из глубины помещения раздался спокойный голос. Писец сел так быстро, что опрокинул чернильницу.

К нам шёл высокий мужчина лет пятидесяти в тёмно-зелёной одежде. На его поясе висели семь узких дощечек, каждая другого цвета. Волосы были выбриты над ушами, оставшаяся седая полоса собрана на затылке. Он посмотрел на меня, на перевёрнутую плитку и произнёс:

— Матвей Горин.

Моё имя прозвучало почти правильно.

Я коснулся груди.

— Матвей.

Он назвал себя:

— Орен Вал.

Потом указал на полки, на писцов и снова на себя. Хранитель? Начальник собрания? Я повторил имя. Орен остался доволен хотя бы тем, что я не назвал его голубым.

Он повёл меня между столами. Говорил медленно, показывая на вещи. Некоторые слова заставлял повторять. «Тар» — знак или черта. «Шен» — слово, возможно, речь вообще. «Кел» — место. «Ор» — человек. Я записывал звуки обугленной палочкой на маленькой дощечке, которую он мне выдал. Письма моего он не знал, поэтому не мог проверить ошибки.

В конце зала стояло то самое кресло. Носильщики установили его перед большим столом и ушли. Белая плитка лежала на сиденье.

За столом была собрана панель из двенадцати осколков. Части не подходили друг к другу по краям, но их удерживала деревянная рама. Между ними оставались щели шириной в палец. На каждом имелось по несколько знаков. Над рамой висела новая медная табличка с изображением всадника, поднятого меча и лежащих людей.

Победа. Так кто-то уже перевёл панель.

Орен указал на всадника и произнёс длинную торжествен-

ную фразу. Писцы вокруг склонили головы. Я различил имя Тарена Арка и слово, похожее на «первый». Речь, видимо, шла об основателе рода или города.

Затем Орен показал на кресло.

Я покачал головой.

Он повторил приглашение. Я подошёл, но не сел. Потрогал спинку. Холодная. Ножки стояли в четырёх круглых медных гнёздах на полу. Пятое гнездо находилось под столом напротив кресла.

Комната уже ждала участников.

Я указал на гнёзда и сказал:

— Кел.

Место.

Орен улыбнулся и кивнул. Он решил, что я узнаю правильный порядок. Я положил белую плитку со стула на стол и отодвинул кресло от медных кругов.

Улыбка исчезла.

Орен что-то приказал. Двое писцов вернули кресло. Я снова отодвинул. Страж у двери положил руку на рукоять меча.

Тогда я взял дощечку и нарисовал прямоугольник, пять мест и печь. Указал на кресло, на гнёзда и повторил:

— Сур. Арам.

Жар. Сохранённое действие.

Орен понял. В его взгляде не было испуга, только интерес. Он коснулся одного медного гнезда носком и позвал слугу.

Тот принёс небольшую жаровню.

— Нер, — сказал я, показывая на панель. — Арам нер.
Пока спит.

Орен произнёс вопрос и указал на меня. Я догадался: откуда знаю?

Показал вниз, семь слоёв ладонями, затем изобразил дверь и себя, выходящего из неё. Это выглядело нелепо. Орен смотрел внимательно. Когда я повторил жест тремя пальцами, он подошёл так близко, что я увидел жёлтые крапинки в его серых глазах.

Он знал жест.

Орен приказал унести жаровню. Потом хлопнул в ладоши. Писцы сняли с полок ещё два десятка осколков и разложили на столе.

Начался экзамен, хотя общего языка у нас почти не было.

Мне показывали знак и предлагали выбрать рисунок. Прямая с тремя точками: копье, дорога или очередь людей. Полукруг над четырьмя квадратами: восход, крыша или старший за столом. Рука над ступенями: приказ, благословение или тот, кто сидит выше других.

Я не выбирал.

Отдельный знак мог значить что угодно. Именно это я пытался объяснить. Брал обломок, поворачивал, искал стёртый край, толщину раствора, след копоты. Группировал плитки не по похожим картинкам, а по высоте крепления. Те, у которых нижний край был сбит ногами, ставил ближе к полу.

Закопчённые — у печи. Гладкие, затёртые плечами, — возле сидений.

Писцы считали, что я уклоняюсь. Орен не мешал.

Через час на полу появилась грубая схема помещения. Панель из двенадцати осколков распалась на три группы. Красные плитки легли у воображаемой двери. Белые — за пятью местами. Голубые оказались на уровне рук.

Орен показал на медную табличку с победой и вопросительно поднял бровь.

Я снял её с крюка и положил лицом вниз.

Один писец ахнул.

— Не победа, — сказал я по-русски. — Вы сложили меня, таблички на спинках и кусок дверного косяка, а потом нарисовали конницу.

Слов он не понял. Жест понял прекрасно.

Он ткнул пальцем в три короткие черты на белой плитке, потом в лежащих людей на медной табличке. Три побеждённых рода — таков был перевод.

Я взял пять табуретов. Поставил вдоль стола. На спинку первого прислонил плитку с одной чертой, на второй — с двумя, на третьей — с тремя. Следующие фрагменты продолжали ряд: четыре и пять.

Черты обозначали порядок мест.

Орен молчал.

Я посадил писцов. Тот, который ударил меня линейкой, получил третье место и плитку с тремя чертами. Он хотел

возразить, но Орен остановил его.

На голубых обломках повторялись чаши, палочки, свёртки и круглые печати. Я разложил их перед соответствующими сиденьями. Чаша перед первым, палочка перед вторым, свёрток перед третьим. Знаки не рассказывали, кого разгромили. Они указывали, что положить перед каждым человеком.

Орен медленно снял с пояса семь цветных дощечек. Положил белую перед первым писцом, красную перед вторым, голубую перед третьим. Очертания совпали с потёртостями на глазури.

Он произнёс слово:

— Сетар.

Не «седар», семь, а «сетар». Порядок.

Орен указал на три черты, затем на третьего писца:

— Ор сетар.

Место человека в порядке.

Я повторил. Потом ткнул в медную картинку победы и отрицательно мотнул головой.

В зале стало очень тихо.

Неправильный перевод был не просто ошибкой. Он висел здесь как официальная истина. Возможно, на праздниках людям показывали три черты и рассказывали о трёх поверженных врагах. Возможно, род Арк выводил право на власть из таких толкований.

Орен снял табличку окончательно и положил в ящик сто-

ла.

Дверь открылась.

Вошёл мужчина в красном коротком плаще. Ему было чуть больше тридцати. Не король из сказки и не воин с плаката — худое внимательное лицо, короткие тёмные волосы, руки без колец. На правой ладони белел старый ожог в форме круга. Все встали.

Тарен Арк.

Я узнал имя раньше, чем Орен его произнёс.

Тарен осмотрел табуреты, плитки и перевёрнутую табличку. Спросил Орена. Тот ответил без оправданий, показал порядок мест и предметов. Потом указал на меня.

Наследник подошёл к третьему табурету. Писец вскочил. Тарен сел на его место, взял плитку с тремя чертами и посмотрел на меня.

— Ор сетар? — спросил он.

Я кивнул.

— Ор сетар. Кел.

Порядок человека. Место.

Тарен показал на изображение раскрытой ладони над ступнями, которое носила его стража.

— Арк, — сказал он.

Потом поднял руку над столом. Пять писцов одновременно коснулись своих предметов. Не магия — они знали придворный обряд.

Тарен повторил жест, медленнее. Один палец был согнут

сильнее из-за ожога.

Я почувствовал ответную тягу в своей кисти.

Не сильную. В комнате не было жара, а древние части лежали на полу. Но тело узнало начало действия. Три пальца захотели сложиться.

Я спрятал руку под плащ.

Тарен заметил.

Он сказал что-то Орону. Тот перевёл доступными мне словами и жестами: Тарен, работа, знаки, место, я. Затем указал на полки и на крепость.

Мне предлагали работу здесь.

Переводчиком — так я назвал это про себя. На самом деле я почти не знал языка. Я умел другое: не доверять отдельно взятому знаку и смотреть, где лежала вещь. Для двора, который собирал древние комнаты, этого оказалось достаточно.

Я указал на дверь.

— Сая.

Тарен поднял бровь.

— Сая Керн. Кера това. Матвей тава Сая.

Я вместе с Саей. Работа с плитами — её работа.

Слова были детскими, но смысл дошёл. Тарен что-то спросил у Орена. Тот сообщил, что мастер ждёт снаружи. Наследник рассмеялся — негромко, без злости — и велел привести её.

Сая вошла настороженно. Увидела разложенные осколки, кресло у медных гнёзд и мою руку под плащом. Сначала про-

верила меня, только потом поклонилась Тарену.

Наследник заговорил с ней. Его речь была простой и медленной, вероятно, ради меня. Я различал отдельные опоры: «кера», «сур», «арам», «това», «Арк». Сая отвечала резко. Дважды указала на меня, один раз — на кресло. Тарен выслушал и коснулся ожога на ладони.

Он уже знал цену.

Это открытие испугало меня сильнее, чем если бы он считал древние комнаты безопасными. Тарен не был глупцом, который случайно играл с устройством непонятного назначения. Он обжёгся — возможно, буквально — и продолжал собирать.

Орен принёс две деревянные дощечки. На одной нарисовал крепость и Матвея. На другой — мастерскую и Саю. Между ними провёл линию. Затем положил на каждую по монете.

Двор платит мне за работу, Саина мастерская получает заказ. Я живу у Кернов и прихожу в крепость. Таков был договор, насколько я мог понять.

Сая взяла обе монеты, взвесила на ладони и вернула одну Орену. Потом добавила что-то, указав на жаровни.

Орен нарисовал зачёркнутый огонь.

Без нагрева при Матвее, пока Сая не проверит сборку.

Тарен посмотрел на рисунок, затем на меня. Его пальцы легли на плитку с третьим местом.

— Матвей Горин, — произнёс он. — Шен кера.

Речь плит. Или тот, кто даёт плитам речь.

Я коснулся дощечки с линией между крепостью и мастерской.

— Матвей тава Сая. Тава Керн.

Я вместе с Саей. Вместе с Кернами.

Наследник понял требование. Улыбка у него стала тоньше.

— Керн кен, — сказал он.

Керны остаются. Или Кернов не тронут. Слишком короткая фраза для обещания, от которого зависела семья, но другого получить я не мог.

Мы коснулись пальцами одной дощечки. Не ладонями и не древним жестом. Обычным человеческим движением, которое придумали здесь и сейчас.

Тарен встал и ушёл. Вместе с ним исчезло напряжение, но не опасность.

Орен велел писцам собрать плитки в новом порядке. Я остановил их. Если панель обозначала рассадку, важно было не только соседство фрагментов, но расстояния между ними. Деревянная рама уже исказила исходную комнату. Я показал на щели, на края раствора и развёл руками.

Орен понял не сразу. Потом принёс план помещения — настоящий, начерченный на коже. На нём стояли размеры стен, отмеченные местными числами. Я не мог их прочитать, зато видел пропорции. Белая панель занимала стену длиной в пять сидений. В нынешней раме её сжали почти вдвое.

Я расставил табуреты шире.

Плитки перестали быть рассказом о победе. Они стали инструкцией для собрания: кто где сидит, какой предмет держит, в каком порядке вступает в общее действие.

Что это было за действие, мы ещё не знали.

На одном из обломков сохранилась рука над ступенями. Теперь, когда плитка заняла правильное место, ступени оказались не под рукой, а перед ней. Это мог быть не знак власти. Человек протягивал ладонь к людям, сидевшим ниже.

Или приказывал им.

Орен хотел вернуть медную табличку в ящик. Я забрал её, нашёл обугленную палочку и перечеркнул всадника. На обратной стороне нарисовал пять стульев.

Писец с линейкой поморщился, но не возразил.

Сая ждала у двери. Когда работа закончилась, она осмотрела мою схему, затем повернула одну плитку на толщину пальца. Край совпал с соседним по слою глазури. Я этого не заметил.

Она победно посмотрела на меня.

— Сая кера, — сказала она.

Сая знает плиты.

Я поклонился:

— Матвей шен.

Матвей болтает.

Она рассмеялась. Впервые.

Орен выдал мне деревянную бляху с выжженной раскры-

той ладонью и тремя ступенями. Я не хотел носить знак Арков. Но без него стража могла снова решить, что меня ведут учить цветам. Я повесил бляху под плащ, рядом с кожаным мешочком, который дала Сая. Внутри лежала холодная глина.

На обратном пути город выглядел иначе. Вчера я видел семь ярусов, сложенных друг на друга. Сегодня заметил движение между ними. Наверх шли корзины с белыми плитами. Вниз несли новые деревянные рамы и мешки раствора. У ворот крепости писец отмечал каждую корзину на дощечке.

Тарен собирал не сокровища. Он собирал порядок.

В мастерской нас ждали за общим столом. Брен выслушал Саю, Лис перебивал, Маира раскладывала передо мной предметы и требовала называть их местными словами. К вечеру я знал ложку, дверь, хлеб, печь, руку, стул и несколько ругательств, которые Лис выдавал за названия домашней утвари.

Потом я нарисовал на большой дощечке пять мест и рассказал без языка, что произошло в крепости.

Пять табуретов. Пять предметов. Ошибочная картинка победы. Правильный порядок рассадки. Рука Тарена над столом. Моя рука, которая почти ответила.

Маира перестала улыбаться. Она взяла дощечку и поставила шестое место в стороне от остальных. На нём нарисовала круг.

Сая спросила её о чём-то. Старуха повторила круг, затем

указала вверх, на крепость, и назвала слово, которого я ещё не слышал:

— Итар.

Все четверо замолчали.

Я повторил вопросительно:

— Итар?

Маира коснулась своей груди, потом груди Саи, Брена и Лиса. После этого провела пальцем по горлу нарисованного человека на шестом месте.

Тот, кто остаётся один, когда остальные заканчивают действие. Свидетель? Судья? Жертва?

На дворцовом плане шестого места не было.

Я открыл блокнот и записал новые слова. Рядом со словом «переводчик» поставил вопросительный знак. Двор дал мне должность не потому, что я понимал древнюю речь. Двору нужен был человек, который поможет поставить осколки на верные места.

А потом кто-то должен был сесть на эти места.

В конце страницы я написал:

«Три черты — не три побеждённых врага. Это третье кресло».

И ниже:

«Самая опасная ошибка здесь — та, которая нравится власти».

За стеной остывала печь. Сая запирала инструменты, Брен чинил коромысло, Лис спорил с Маирой из-за послед-

него куска хлеба. Обычный вечер держался на множестве мелких действий, которые никто не приказывал повторять.

Я посмотрел на них и понял, почему настоял на линии между крепостью и мастерской.

Должность при дворе давала мне право войти туда, где собирали прошлое. Но возвращаться мне было нужно сюда — в дом, где каждый мог встать из-за стола по собственной воле.

Глава 4. Дом Кернов

Утром я обнаружил, что угол в доме тоже может быть договором.

Накануне я уснул возле печи, завернувшись в плащ, который дал Брен. Моя толстовка осталась за замазанной дверью древней комнаты, а местная одежда ещё пахла чужим телом, дымом и той травой, которой Маира отпугивала насекомых. Я считал место у печи временным: сегодня пустили, завтра попросят уйти, послезавтра забудут, что я здесь лежал.

Но, когда я проснулся, лежанка исчезла.

На её месте стояли три корзины с глиной. Мой плащ, блокнот и мешочек с холодной глиной Сая перенесла к дальней стене мастерской. Там прежде громоздились ящики с битыми плитками. Теперь ящики были разобраны. Из их досок Брен сколотил настил, достаточно широкий, чтобы я не сваливался во сне. Над настилом Лис вбил два крюка и повесил верёвку. На ней сушилась моя выстиранная рубаха.

Я потрогал ткань. Она была влажной, но чистой.

— Кен, — сказала Сая у меня за спиной.

Она ткнула пальцем в настил, затем в меня.

Вчера Тарен произнёс: «Керн кен». Я решил, что это значит: Керны остаются, их не тронут. Теперь слово получало другой оттенок. Оставаться. Иметь место. Быть там, откуда тебя не выгоняют до рассвета.

— Матвей кен? — спросил я.

Сая кивнула, но тут же поставила передо мной деревянное ведро с серой водой и сунула щётку.

— Матвей това.

Я остаюсь и работаю.

Честная оговорка.

Моим первым постоянным занятием в новом мире стало оттирать глину с пола. Сая показала, как вести щётку вдоль щелей, чтобы не забить их крошкой. Вода быстро побелела. Лис прошёл мимо, посмотрел на результат и молча переставил ведро: я выливал грязную воду в чан, где замачивали хорошую глину.

— Можно было сказать раньше, — проворчал я.

Он указал на себя, на рот и загнул пальцы, перечисляя все слова, которых я не понимал. Потом указал на меня и развёл руками.

Спорить было трудно. Я вытащил из чана плавающий комок и начал сначала.

Дом Кернов состоял не из комнат, а из занятий. Передняя половина принадлежала мастерской: низкие столы, чан, полки с чашками красителей, две печи. За занавесью стоял общий стол и сундуки. Над ними тянулся узкий помост, где спали Сая и Маира. Брен устраивался возле двери, Лис — на мешках с сухой соломой под лестницей. Мой новый настил находился между полкой с негодными осколками и стеной, на которой мелом отмечали заказы.

Если бы я описывал это место для отчёта о раскопках, написал бы: жилище совмещено с ремесленным помещением, личное пространство почти отсутствует. Такие фразы делают чужую жизнь плоской. В действительности у каждого здесь была граница. Маирину красную кружку никто не брал. К ножу Саи прикасались только после разрешения. Брен, входя ночью, дважды стучал в косяк, хотя дверь не запирали. Лис мог спать где угодно, но его свёрнутую куртку не перекладывали даже ради срочного заказа.

Теперь появилась и моя граница: две доски настила и крюк над ними.

Плата за неё лежала на столе.

Сая принесла корзину керамических меток. Не древних глазурованных плит — обычных черепков величиной с ладонь. На каждом были процарапаны знаки. Некоторые покрывал копотный налёт, другие блестели от жира. Я решил, что это обломки посуды, пока Сая не приложила один к глиняному кувшину. Отверстие в метке пришлось точно на петлю под ручкой.

Бирки.

Кувшины, чаши, блюда и строительные плитки помечали до обжига. Знак говорил, кому предназначалась вещь, какую глазурь требовалось нанести или кто отвечал за работу. Сая знала современные метки. Но среди заказов, которые двор прислал вместе с монетой, лежали старые образцы.

Она выложила передо мной семь черепков. На трёх по-

вторялся знак ступеней. На двух — открытая ладонь. Ещё на одном были пять коротких черт. Последний оставался почти пустым: только круг возле края.

Я потянулся к ним и остановился.

Холодные. Разрозненные. Без комнаты и жара они не должны были действовать. И всё же моя рука помнила белый ожог Тарена и желание сложить три пальца.

Сая заметила паузу. Взяла первый черепок сама и положила мне на ладонь.

Ничего не произошло.

Шершавый край царапнул кожу. На обороте остались волны от пальцев древнего гончара. Человек держал сырой кусок так же, как Сая держала свои метки: большим пальцем сверху, двумя снизу. Между его работой и нашей ладонью лежали сотни лет, но это было обычное сходство ремесла, не приказ.

Я выдохнул.

— Нер, — сказал я. Спит.

— Нер, — подтвердила Сая.

Она пододвинула дощечку и обугленную палочку. Я нарисовал семь черепков в их нынешнем порядке. Потом попросил у неё кувшин, чашу и строительную плитку. Слова заменял жестами. Лис, наблюдавший с лестницы, нарочно подал мне ложку. Я вернул ложку и показал кувшин ещё раз. Он принёс башмак.

Сая бросила в него комком глины.

Брен, вернувшийся с двумя полными вёдрами, посмотрел на нас и принёс всё, что я просил. Он двигался медленнее остальных, но угадывал смысл до того, как я заканчивал жест. За несколько дней я привык считать его молчание осторожностью. Теперь увидел в нём другой навык: водонос каждый день входил в десятки домов и замечал, чего люди хотят, прежде чем они начинали объяснять.

Мы примерили метки к вещам. Отверстия отличались. У двух край был стёрт верёвкой, у трёх — проволоочной петлёй. На метке с кругом след крепления отсутствовал. Её не подвешивали к готовой вещи. Её вдавливали в сырую поверхность.

Сая принесла ком глины и показала, как это делали. Круг оказался не знаком, а краем маленькой печати. Остальная часть рисунка была утрачена вместе с черепком.

Я провёл черту на дощечке, отделяя её от прочих.

Пять коротких черт тоже не обязательно означали пятое место. На дворцовых плитах они находились на уровне спинок и шли рядом с предметными знаками. Здесь их процарапали возле отверстия, после обжига. Я повернул метку и увидел, что две черты глубже остальных.

Счёт исправляли.

— Пять, — сказал я по-русски и показал ладонь.

Лис назвал местное слово. Не «седар», которое я спутал вчера с порядком, а «севар». Он загибал пальцы и повторял числа. Я записал первые десять. Потом показал на глубокие

черты, на три мелкие и изобразил, как кто-то добавляет отметки.

Брен понял первым. Он поставил перед нами два кувшина, затем ещё три. Пять штук в заказе. Не место участника, не поверженные враги и не магический приказ. Обычная долговая отметка мастерской.

Сая взяла мою деревянную придворную бляху, перевернула и постучала пальцем по древней ладони над ступенями. Затем указала на метку с тем же рисунком.

Я сравнил их. На бляхе ладонь парила над ступенями. На черепке линии продолжались по бокам. Если мысленно восстановить утраченные края, ступени могли быть полками, а ладонь — вовсе не ладонью. Пять зубцов гребня над сушильным стеллажом.

— Кера? — спросил я.

Сая подошла к стене и показала на деревянную решётку, где сохли плитки.

Метка мастерской. Не знак власти Арков.

Она назвала старое слово. Маира, месившая тесто за занавесью, поправила произношение. Сая повторила, и между ними начался быстрый спор. Я улавливал только «Арк», «кера» и «шен». Лис перестал улыбаться.

Открытая ладонь над ступенями, которой двор отмечал стражу, писцов и мой пропуск, когда-то могла обозначать мастерскую с сушильными полками. Род Арк присвоил древний знак или ошибочно понял его. Возможно, основатель

действительно был гончаром. Возможно, его потомки предпочли руку, простёртую над подданными.

Я хотел записать вывод, но Маира ударила ладонью по столу.

— Нер шен, — сказала она.

Спящее слово.

Сначала я подумал, что она запрещает будить древние знаки. Потом понял: мы знаем слишком мало. Знак мог означать мастерскую в одном помещении и власть в другом. Без стены, высоты, соседних рисунков и назначения комнаты любой перевод оставался удобной сказкой.

И моя версия тоже.

Я зачеркнул слово «гончар» в блокноте и написал: «похоже на метку сушильной мастерской; не доказано».

Маира заглянула через плечо. Кириллица ничего ей не говорила, но зачёркивание она одобрила.

К полудню мы разобрали корзину на четыре группы. Современные заказы Сая унесла к печи. Старые метки без места происхождения сложила обратно. Три черепка, снятые с одной стены, остались на столе. Их края совпадали не друг с другом, а по одинаковому слою копоти. Я нарисовал предполагаемую высоту. Сая проверила глазурь каплей уксуса и отвергла одну метку: иной состав, иной обжиг, похожий цвет.

Мы впервые работали не как спасительница и найденный ею чужак. У каждого была половина ответа. Я видел положение вещи. Она видела материал. По отдельности мы могли

придумать убедительную ошибку. Вместе — хотя бы вовремя остановиться.

Лис следил за нами всё утро. Когда Сая ушла принимать заказчика, он подсел к столу и забрал черепок с пятью отметками.

— Матвей, — сказал он. Потом показал на древние метки, на мою придворную бляху и вверх, в сторону крепости. — Арк.

Он провёл пальцем от меня к крепости, затем обратно к дому. После этого сжал кулак, будто что-то уносил.

Я понял без перевода. Ты пойдёшь к Аркам и отнесёшь им то, что узнаешь здесь.

Я положил бляху на стол. Рядом — мешочек с холодной глиной, который дала Сая. Потом вынул блокнот. На одной странице были слова, на другой — планы комнат, увиденные в крепости. Я раскрыл его посередине и подвинул к Лису.

Он мог вырвать страницы, бросить в печь или отдать Маире. Вместо этого полистал, не понимая ни строки. Рисунки он понимал. Нашёл схему пяти мест и шестой круг, добавленный Маирой.

Лис ткнул в шестое место, провёл пальцем по горлу и сказал:

— Итар.

Затем указал на себя.

Я резко покачал головой.

Он повторил: на себя, на круг, по горлу. Вчера я решил,

что итар — свидетель, судья или жертва после общего действия. Теперь Лис говорил, что итаром был он? Или что он может им стать?

Я позвал Маиру. Лис попытался закрыть блокнот, но я удержал страницу. Старуха пришла, увидела жест и долго смотрела на племянника. Потом посадила нас напротив друг друга.

Она принесла шесть чашек. Пять целых поставила тесным полукругом, шестую, со сколотым краем, — в стороне. В пять налила воду. Шестая осталась пустой. Затем по очереди коснулась полных чашек и назвала одно и то же слово: «арам». Сохранённое действие. Коснулась пустой: «итар».

Я показал на глаза. Свидетель?

Маира покачала головой. Показала на пять чашек, затем на пустую и сделала движение, будто переливает в неё содержимое остальных.

Тот, кто принимает действие? Замыкает его? Несёт остаток после других?

Она взяла пустую чашку и прижала к груди Лиса.

Сая вернулась как раз в этот момент. Увидев чашки, выругалась одним из тех слов, которые Лис выдавал мне за кухонную утварь. Она выбила сколотую чашку из руки Маиры. Та упала на пол и разбилась.

Дальше они кричали все сразу. Даже Брен повысил голос. Я различал обрывки: Лис, итар, отец, печь, шестой ярус. Сая схватила племянника за плечи и встряхнула. Лис вырвался.

Брен встал между ними. Маира не оправдывалась.

Мне хотелось исчезнуть в своём новом углу, но спор начался из-за вопроса, который задал я. Я поднял обе руки и произнёс единственную фразу, на которую хватало языка:

— Матвей не шен. Сая шен. Медленно.

Матвей не понимает. Сая говорит. Медленно.

Это прозвучало настолько жалко, что Лис фыркнул. Крик оборвался.

Объяснение заняло час. Они рисовали, разыгрывали и заставляли меня повторять слова. Я понял не всё, но достаточно.

Отец Лиса, старший брат Саи и Брена, много лет назад работал на дворцовых раскопках шестого яруса. Его звали Ред Керн. Мастеров заставили восстановить помещение из белых погребальных плит. Двор считал его комнатой суда. Ред отвечал за обжиг вставок и заметил отдельное место за стеной. Шестое.

Он не успел объяснить, что оно означало. Во время пробного нагрева пятеро придворных повторили сохранённое действие, а Ред оказался за перегородкой. Когда огонь погас, остальные пришли в себя. Ред продолжал выполнять чужую работу. Три дня он переносил невидимые предметы, садился возле несуществующей стены и отказывался узнавать семью. На четвёртый ушёл вниз, к запечатанному шестому ярусу. Его не нашли.

Двор объявил, что мастер погиб из-за собственной ошиб-

ки.

Лис был ребёнком, но запомнил другое: отец вернулся домой после нагрева. Он смотрел на сына и видел не его. Перед уходом приложил к Лисовой груди обожжённую ладонь и назвал его «итар».

Поэтому Лис считал древние комнаты не опасными вещами, а хищниками. Поэтому считал опасным и меня — человека, которого одна такая комната выпустила наружу.

Я закрыл блокнот.

Все мои аккуратные правила — холодные плиты безопасности, слабый жар вызывает тягу, точное расположение усиливает действие — были полезны, пока речь шла о предметах. В доме Кернов у каждого правила имелось имя. «Утрата собственной воли» называлась Ред. «Неполное восстановление помещения» называлось отцом, который четыре дня не узнал сына.

Я снял с шеи придворную бляху и подал Лису.

— Нер, — сказал я и указал на печь.

Он мог бросить её в огонь. Если знак Арков был частью древней расстановки, так даже безопаснее.

Лис взвесил деревяшку на ладони. Потом подошёл к моему настилу и повесил её на крюк рядом с высохшей рубахой.

— Матвей кен, — произнёс он.

Не прощение. Условие. Ты остаёшься здесь, значит, твой знак тоже остаётся на виду. Никаких спрятанных вещей и двух разных служб.

Я кивнул.

Сая положила передо мной черепок с меткой сушильной решётки. Потом показала на корзину, на дворцовую бляху и на свой нож. Слова она подбирала медленно.

Мы разбираем знаки вместе. Я не уношу выводы во двор прежде, чем она проверит материал. Она не обжигает древние вставки прежде, чем я проверю положение. Если двор потребует тайны от дома, мы прекращаем работу.

Брен добавил своё. Принёс две миски, поставил одну у двери, другую в моём углу и перелил воду поровну.

Деньги двора — дому. Еда и место — мне. Не милость, а доля.

Маира последней коснулась блокнота. Потом заставила меня записать имя Реда. Я вывел крупно: «Ред Керн». Ниже: «ушёл на шестой ярус после пробного нагрева; отдельное место за стеной; называл Лиса итаром».

Она дождалась, пока я закончу, и закрыла страницу ладонью.

Это было не спящее слово. Это было имя, которое двор постарался превратить в ошибку мастера.

Вечером пришёл первый заказ по договору с крепостью. Двое носильщиков принесли ящик обычных плит для ремонта дворцовой галереи. Вместе с ними явился писец с перечнем. Он увидел меня, поклонился деревянной бляхе Арков на крюке и потребовал, чтобы Сая расписалась.

Она не умела писать придворными знаками. Писец зара-

нее приготовил метку мастерской — открытую ладонь над ступенями — и хотел сам приложить её к глине.

Сая забрала печать.

Она смыла старый рисунок с мягкой заготовки и вырезала новый. Четыре короткие линии: Сая, Брен, Лис, Маира. Потом взглянула на меня и добавила пятую.

Не герб и не знак собственности. Пять людей, отвечающих за работу.

Писец возражал. Сая указала на придворную дощечку, где Тарен обещал заказ мастерской, затем на меня. Я показал писцу пять пальцев и употребил выученное утром слово:

— Севар. Пять.

Он не впечатлился моим словарём, но спорить с бляхой не захотел.

На первой сырой плитке остался новый оттиск Кернов. Пять линий были неровными: последнюю Сая вырезала в спешке, и она получилась чуть глубже других. Через сотни лет какой-нибудь самоуверенный переводчик мог объявить их пятью побеждёнными родами или пятью ступенями власти.

Я знал более скучную и более важную правду.

В тот день пять человек договорились отвечать друг за друга.

Ночью печь гудела, но древних плит в ней не было. Брен спал у двери. Маира наверху ворочалась и что-то бормотала. Лис оставил свою куртку на обычном месте, а рядом с моим

настилом поставил целую чашку вместо разбитой.

Я лёг, глядя на деревянную бляху у себя над головой.

Дом не стал безопасным только потому, что меня приняли. Наоборот: теперь у Тарена появился способ заставить меня работать. Он мог отнять заказ, мастерскую, воду, одного из Кернов. Его короткое «Керн кен» звучало уже не обещанием, а напоминанием, что право оставить семью на месте он считал своим.

Но двор ошибался в одном.

Моё место определял не знак Арков.

Его сделали Бреновы доски, Саина работа, Маирина память и целая чашка, которую Лис поставил возле человека, всё ещё казавшегося ему опасной находкой.

Если древняя комната превращала место в приказ, дом Кернов делал обратное. Здесь место давали только вместе с правом встать, возразить и уйти.

Именно поэтому я решил остаться.

Глава 5. Наследник у печи

За мной пришли до рассвета, когда пятая линия на знаке Кернов ещё не успела высохнуть.

В дверь постучали трижды. Не Бреновым условным стуком, а тяжело, костяшками или рукоятью. Брен уже сидел на лежанке. Сая спустилась с помоста, на ходу затягивая пояс. Лис проснулся под лестницей и потянулся не к одежде, а к короткой кочерге.

Маира зажгла светильник.

Я снял с крюка деревянную бляху Арков. Вчера мы решили, что она будет висеть открыто, но никто не говорил, что я обязан радоваться каждому, кто узнает её на рассвете.

За дверью стоял Орен Вал. Один, без стражи и носильщиков. На нём был простой серый плащ, семь цветных дощечек он спрятал под тканью. Только выбритые виски и привычка ждать, пока ему откроют полностью, выдавали человека из крепости.

Орен произнёс моё имя и слово «дар». Идти.

Сая встала рядом со мной.

— Сая това Матвей, — сказала она.

Орен покачал головой. Указал на меня, на себя и вверх. Потом назвал Тарена и добавил новое слово:

— Хор.

Сейчас.

Сая показала свою медную бляху мастера и повторила условие, которое поставила во дворце: древние плиты и жар проверяем вместе. Орен выслушал. Потом вынул из-под плаща две вещи.

Первой была дощечка нашего договора: крепость, мастерская, линия между ними, зачёркнутый огонь. Второй — половина белой плитки с чёрным следом по краю.

Сая забрала плитку прежде, чем я успел протянуть руку. Послюнила палец, потёрла коготь, понюхала. Затем приблизилась к светильнику, но не к самому пламени. На белой глазури проступали тонкие красные прожилки.

Она выругалась.

Орен кивнул.

Плита уже нагревалась.

Лис загородил дверь. Он был босой, волосы торчали в разные стороны, кочерга дрожала в руке, но отступить он не собирался. Указал на белый обломок, на Маиру, затем вниз — туда, где исчез Ред.

Орен не сделал вид, что не понимает. Назвал имя Реда правильно. После него — слово «кел», место, и «итар».

Мы замерли.

— Орен шен, — сказал я. — Медленно.

Он посмотрел на дощечку договора, перевернул и начал рисовать углём. Прямоугольная комната. Пять мест у длинного стола. Печь в стене. Отдельный круг за перегородкой. Рядом написал несколько местных знаков, бесполезных для

меня, и нарисовал солнце над башней.

Потом солнце — ниже. Ещё ниже. Несколько дней.

Тарен собирался показать комнату на годовщине основания. До праздника оставалось мало времени.

Орен перечеркнул огонь на рисунке и указал на себя. Он не хотел нового нагрева. Или утверждал, что без нас его не будет.

Сая забрала уголь и пририсовала себя рядом с печью. Меня поставила у стола. Затем добавила за дверью Лиса.

— Нет, — сказал я по-русски.

Лис решил, что возражаю против него, и толкнул меня плечом. Я забрал уголь, зачеркнул его фигурку и нарисовал Брена. Водонос взрослый, сильный и умеет замечать опасность. Лису шестнадцать. Тащить его к комнате, после которой исчез отец, было бы не смелостью, а удобной жестокостью.

Брен посмотрел на рисунок и покачал головой. Указал на свои вёдра у двери, потом на нижние ступени города. Рассвет означал начало развоза воды. Если он не выйдет, несколько домов останутся с пустыми кувшинами.

Маира взяла уголь. Нарисовала рядом с Саем маленький знак глаза, затем показала на себя.

Сая возразила так резко, что светильник дрогнул. Старуха дождалась конца, подтянула рукав и показала внутреннюю сторону предплечья. Там тянулся белёсый рубец, которого я прежде не видел: три параллельные полосы, соединённые у

запастья.

Такой знак был на древней плитке пятого места.

Маира бывала в похожей комнате.

Она не объяснила когда. Просто надела тёмный платок и положила в сумку хлеб, верёвку и маленький молоток. В её возрасте люди не обязаны выигрывать семейные споры громкостью. Иногда достаточно начать собираться.

В крепость пошли четверо: Орен, Сая, Маира и я.

Утренний Аркат был холодным. Печи ещё не разогрели стены, из нижних проходов тянуло сыростью. Мы поднимались по лестницам мимо спящих лавок. Только водоносы и мусорщики уже работали. На каждом ярусе люди останавливались, увидев Орена. Он не носил знаков должности, но его узнавали.

Сая шла на полступени впереди меня. Белый обломок она завернула в ткань и убрала отдельно от инструментов. Маира держалась сзади. На третьем пролёте я обернулся и увидел, что она считает ступени губами.

— Севар? — спросил я, показывая пять пальцев.

Она качнула головой и назвала другое число. Семь. Потом указала вниз, на ярусы, и коснулась рубца.

Её шрам состоял из трёх линий, но связан был с седьмым уровнем? Или семь означало количество подъёмов до комнаты? Я записал звук числа в блокнот, не превращая догадку в ответ.

Орен привёл нас не в собрание осколков. За вторым дво-

ром крепости мы свернули к башне, прошли под деревянными лесами и спустились.

Это было первое, что насторожило меня. Двор собирал древнее не только наверху. Под крепостью лежал собственный ярус, скрытый от улиц. Новые каменные стены окружали старую кирпичную кладку. Скобы, балки и свежий раствор удерживали помещение, которое когда-то находилось глубоко в городе, а теперь стало основанием власти.

У лестницы стояли двое стражников. Орен показал им одну из цветных дощечек. Нам выдали плотные войлочные накидки и кожаные рукавицы.

За первой дверью было жарко.

Не тепло от жилой печи, которое расплзается по полу и собирает людей ближе. Здесь жар бил в лицо. Вдоль стен тянулись каналы. Рабочие носили уголь в корзинах, выгребали золу, проверяли заслонки. В центре стояла печь высотой в два человеческих роста. Её наружная кладка была новой, но дверца — древней, зелёной от окиси меди.

Круглая рукоять повторяла форму ожога на ладони Тарена.

Наследник ждал возле печи. Без красного плаща, в полотняной рубаше с закатанными рукавами. Правая рука была перевязана свежей тканью. Он сам проверял одну из нижних заслонок. Увидев нас, поднялся и сказал несколько слов Орену.

Я различил имя Саи и вопрос.

Она развернула белый обломок. Показала красные прожилки и провела пальцем по чёрному краю. Тарен ответил коротко. Сая не поклонилась.

Я подошёл к печи. От медной дверцы исходило слабое знакомое напряжение. Не приказ, скорее ожидание движения, как у двери, которую хочется придержать для идущего следом человека. Моя правая ладонь нагрелась внутри рукавицы.

— Нер? — спросил Тарен.

Спит?

Я покачал головой.

— Не нер.

Не спит.

Орен впервые поправил меня не как ученика. Дал другое слово:

— Рес.

Ждёт или готовится.

Я повторил. Тарен коснулся перевязанной ладони и усмехнулся, будто услышал подтверждение давно известного.

За печью находилась узкая дверь. Она вела в помещение, нарисованное Ореном.

Комната была почти закончена.

Длинный стол стоял на пяти медных гнёздах, хотя на плане гнёзда предназначались для кресел. Белые панели покрывали три стены. Красные плитки обрамляли вход. Голубые

полосы шли на высоте локтя. В середине дальней стены оставался пустой прямоугольник. Его края были свежо обмазаны серой глиной.

Печь находилась за левой стеной. Жар проходил по каналам под полом и поднимался внутри кладки. Открытого огня здесь не было. Именно поэтому Орен мог честно зачеркнуть жаровню на договоре и всё равно привести нас в нагретую комнату.

Сая поняла это одновременно со мной. Она развернулась к нему и заговорила тихо. Крик я уже слышал. Тихий голос был опаснее. Орен не отступил. Дождался конца и показал на печь: заслонки закрыты, жар остаточный.

Древней комнате было безразлично, как придворный чиновник называет тепло.

Маира вошла последней. На пороге сняла с пояса клубок нити. Один конец привязала к дверной скобе, другой обмотала вокруг запястья. Потом выдала по нити каждому из нас.

Не магическая защита. Если кто-то начнёт двигаться в чужом порядке, остальные почувствуют.

Я обошёл комнату вдоль стен, не приближаясь к столу. Плитки установили аккуратно. Слишком аккуратно. Раствор скрывал старые сколы, новые рамки выравнивали неровные края. Внешне панели казались цельными. Но древнее помещение не было таким ровным. На белой глазури следы плеч находились на разной высоте. Голубая полоса возле входа обрывалась там, где когда-то стоял шкаф или перегородка.

Стол поставили по оси комнаты, хотя потёртости на полу уходили влево.

Двор восстановил не исходное помещение, а красивое представление о нём.

И оно уже действовало.

Тарен вошёл и встал у дальнего края стола. Нить Маиры натянулась. Моя рука сама потянулась к несуществующему предмету на уровне пояса. Сая резко дёрнула нить, и я остановился.

— Рес, — сказал я.

Комната ждала.

Тарен указал на пустой прямоугольник в стене. Двое рабочих внесли деревянную раму. В ней лежали осколки, которые я вчера разложил в собрании: пять мест, предметы перед участниками, порядок вступления в действие.

Вот зачем был экзамен.

Мою схему перенесли сюда за одну ночь.

Орен следил за моим лицом. Возможно, ему было стыдно. Возможно, он просто хотел узнать, замечу ли я перемену. Я сорвал рукавицу, достал блокнот и нарисовал вчерашнее расположение. Потом показал на стену. Рабочие сжали расстояния. Третья и четвёртая группы поменялись местами. Я не давал окончательной сборки — только разложил материалы на полу.

— Матвей шен, — сказал Тарен и указал на раму.

Говори. Переводи.

— Нет.

Русское слово он уже узнавал.

Я снял раму со стены раньше, чем рабочие успели помешать. Она оказалась тяжёлой. Сая поддержала нижний край. Мы положили её на пол в коридоре, вне нагретой комнаты.

Тарен не позвал стражу. Он присел рядом и спросил:

— Кел?

Где место?

— Не знаю, — ответил я по-русски. Затем собрал фразу из доступных слов: — Тар без кел — нер шен.

Знак без места — спящее слово. Или молчащий знак. Маира одобрительно стукнула молотком по своему сапогу.

Я объяснял рисунками. Белые панели происходили из нескольких помещений. У них различалась толщина раствора, следы износа, даже высота рядов. Красная рамка двери была перевёрнута. Пять кресел, указанные на плитках, не совпадали с пятью медными гнёздами под столом. Одно изображение комнаты нельзя было натянуть на другое только потому, что число мест совпало.

Тарен слушал терпеливо. Затем подвёл меня к дальней стене и показал новый план, процарапанный на медной пластине.

На нём изображались семь ярусов Арката. По верхнему шла линия людей. Они спускались через город. Впереди стояла фигура с поднятой рукой. Над ней — знак Арков.

Орен назвал праздник основания и показал на лестницу.

Я понял замысел: восстановленная комната должна была открыть или подтвердить древний порядок похода. На годовщине Тарен займёт место основателя, пятеро придворных повторяют действие, а затем стража пройдёт по городу тем же путём.

Наследник не скрывал этого. Наоборот, хотел, чтобы я увидел величие плана.

Я ткнул в фигуры на нижних ярусах. Они не держали оружия. На медной пластине их изобразили лежащими или преклонившими колени.

— Ор? — спросил я. Люди?

— Вор, — ответил Тарен.

Враг.

Первое слово, смысл которого мне не потребовалось угадывать.

Я показал вверх, за стены города. Если война была с внешним врагом, откуда он пришёл? Тарен провёл пальцем снизу вверх. Враг находился в нижних кварталах.

Сая поняла и встала между ним и планом.

Начался спор. Тарен говорил спокойно. Нижние ярусы не платили достаточно воды или зерна, не отдавали найденные плиты, прятали проходы. Разрозненный город слаб. Основатель однажды установил порядок. Годовщина должна напомнить его.

Я улавливал лишь отдельные слова, но медный рисунок переводил лучше Орена.

Это была не историческая реконструкция. Тарен хотел дать нынешнему походу древнее оправдание.

Маира подошла к плану и провела ногтем по линии спуска. Затем указала на белые плиты, на свой рубец и назвала шестой ярус. Тарен ответил, что помещение найдено под крепостью и принадлежит Аркам.

Старуха рассмеялась ему в лицо.

Она отвела меня к правой стене. Там белые плиты были истёрты узкими вертикальными полосами. Я считал их следами одежды возле кресел. Маира прислонилась спиной. Полосы оказались ниже плеч. Она согнула руки, будто держала тяжёлый свёрток.

Не участники совета. Люди стояли у стены с грузом.

Сая поскребла раствор и извлекла из шва клочок волокна. Не древний, новый: рабочие использовали упаковку, в которой доставили плиты. Она показала направление ворса. Панели привезли снизу, а не нашли под крепостью.

Тарен не отрицал. Он сказал одно слово:

— Арк.

Право рода, власть, принадлежность — всё сразу.

Я вдруг ясно увидел его не как безумца, которого можно разоблачить правильным переводом. Он знал, что плиты сняты с разных мест. Знал цену жара. Знал историю Реда. Ошибка была ему полезна, но он не зависел от неё. Если древность не подтверждала поход, он собирался сложить древность так, чтобы подтвердила.

— Почему я? — спросил я по-русски.

Тарен не понял слов, но понял жест: я, комната, он.

Он подвёл меня к медной дверце печи. Снял повязку с ладони. Круглый ожог был старым, но середина снова покраснела. Наследник приложил руку к холодной стороне дверцы, затем указал на меня.

Комната откликалась ему приказом. Мне — расположением и движением. Он считал, что вместе мы сумеем закончить действие, не отдав ему волю.

Тарен произнёс длинную фразу. Орен перевёл рисунком: семь заходов солнца. Потом комната должна быть готова к празднику.

Семь дней.

Сая перечеркнула срок. Нарисовала тридцать. Тарен перечеркнул её число и снова написал семь.

Я посмотрел на зачёркнутый огонь в нашем договоре. Потом на закрытые заслонки, за которыми кирпич всё ещё отдавал жар. Власть не обязательно нарушает обещание прямо. Иногда она меняет значение слова и предлагает благодарить за точность.

Я взял дощечку договора и дополнил рисунок. Изобразил печь, каналы под полом и ладонь возле стены. Перечеркнул всё вместе. Затем показал на Саю: она решает, достаточно ли остыла комната. На себя: я проверяю происхождение и положение плит. На Маиру: она сравнивает с тем, что знает о старых комнатах. Только после этого мы входим.

Тарен спросил:

— Лис?

Он знал, куда ударить.

Я ответил прежде, чем Сая успела:

— Лис — нет.

Наследник повторил имя Реда и слово «итар». Он хотел человека, которого назвал шестым участником Ред. Возможно, считал Лиса ключом к недостающему месту.

Сая схватила меня за запястье. Не чтобы остановить — чтобы мы говорили как одна сторона.

— Керн кен, — напомнил я Тарену его обещание.

Он улыбнулся.

— Керн кен, — подтвердил он. Потом указал на комнату.

— Матвей това Арк.

Керны остаются. Матвей работает с Арками.

Цена обещания стала ясной.

Я мог отказаться. Тогда двор нашёл бы менее осторожного переводчика, заставил Саю обжечь вставки или привёл Лиса. Мог согласиться без условий — и собственными руками сделать поход похожим на волю мёртвых.

Я показал семь дней. Затем разделил их: один палец — холод, два — разбор плит, ещё два — поиск исходных мест, последние — проверка без людей внутри. Никакого полного нагрева. Никакого Лиса. Никаких пяти участников за столом.

Тарен согласился слишком быстро.

Орен записал условия на новой дощечке. Сая заставила его добавить печные каналы к перечёркнутому огню. Маира нарисовала шестой круг и оставила его пустым.

Когда мы собрались уходить, я заметил движение за дальней стеной.

Не человека. Нить на запястье Маиры натянулась сама, хотя старуха стояла рядом. Её свободный конец всё ещё был привязан у двери, но середина уходила в щель возле пустого прямоугольника.

Я потянул. Из-за панели выпал маленький медный крючок. Нить зацепилась за него случайно.

Крючок находился на высоте человеческой груди. Рядом в свежем растворе виднелась замазанная выемка. Я расчистил её деревянной палочкой. Под серой глиной оказался узкий канал, уходящий за стену.

Там было пространство.

Мы сняли одну белую плиту. За ней открылась щель шириной в ладонь и холодный воздух коснулся лица. Перегородка скрывала ещё один узкий проход. Не место за столом — место за стеной, как рассказывали Керны о Ред.

Маира подняла молоток и постучала три раза.

Из темноты ответили.

Один удар. Пауза. Ещё два.

Не память комнаты. Живой человек.

Стражники выломали часть новой кладки. В проходе нашли рабочего, молодого парня в обожжённой рубахе. Он си-

дел на корточках и перекладывал из одной пустой ладони в другую невидимые предметы. Глаза были открыты. На вопросы не отвечал.

Сая проверила пульс. Маира перерезала верёвку у своего запястья и связала ему руки мягкой петлёй, чтобы он не содрал кожу повторяющимся движением.

Орен побледнел. Тарен приказал отнести рабочего к лекарю.

Я остановил носильщиков и показал: не через комнату. Они вынесли его по печному коридору.

На полу за перегородкой лежала белая плитка с кругом. Такая же, как метка, которую Сая показывала утром. Рабочий, видимо, нашёл её при кладке. Или его заставили поставить её на место. Края были тёплыми.

Маира не дала мне прикоснуться. Завернула плитку в свой тёмный платок и положила на каменный пол подальше от стены.

— Итар, — сказала она.

Теперь слово имело тело: человек за перегородкой, который продолжал переносить то, чего уже не существовало, пока пятеро мест ждали участников.

Тарен смотрел на рабочего дольше, чем на плитку. На его лице впервые не было готового решения. Но, когда носильщики ушли, он снова указал на семь зарубок срока.

Праздник не переносился.

Мы вышли из крепости после восхода. На верхних ули-

цах развешивали красные ленты. Дети рисовали мелом поднятую ладонь над ступенями. Торговцы выставляли фигурки основателя. Город готовился чествовать древний поход, не зная, что под крепостью уже нашёлся первый человек, занявший место за стеной.

У мастерской ждал Лис. Он увидел платок Маиры, понял, что внутри древний обломок, и отступил.

Я рассказал рисунками. Пять мест. Скрытый проход. Рабочий. Невидимые предметы из ладони в ладонь. Семь дней.

Лис дослушал и снял со стены новый знак Кернов. Пять линий. Палочкой процарапал рядом маленький круг.

Не шестого члена семьи. Пустое место, о котором нельзя забывать.

Я повесил знак обратно.

До годовщины оставалось семь дней. Тарен считал, что поручил мне перевести комнату.

На самом деле он дал мне срок доказать, что комнаты там нет.

Глава 6. Чужая рука

Утром на двери мастерской висела новая дощечка.

Пять линий Кернов и маленький круг рядом были перечёркнуты красной полосой. Ни Сая, ни Брен, ни Лис не стали бы портить собственный знак. Маира сняла дощечку, понюхала краску и молча показала на верхний ярус. Там такой красной смесью отмечали имущество крепости.

Вчера Тарен обещал, что Керны останутся. Сегодня кто-то напомнил, кто решает, что значит «остаться».

Брен принёс воду раньше обычного. Он увидел полосу, поставил коромысло и потёр её мокрым пальцем. Краска не поддавалась.

— Арк? — спросил я.

Он кивнул, потом указал на печь Саи, на стены, на пол. Всё принадлежит Аркам — так, вероятно, следовало читать метку. Или всё может стать их собственностью, если наследник захочет.

Сая забрала у Маиры дощечку и положила её красной полосой вниз. Затем достала договор, который вчера записал Орен. На глине были перечёркнуты печь, каналы и пять человеческих фигур. Условия казались ясными даже без языка.

Она постучала по ним ногтем.

— Кен, — сказала она.

Остаются не стены. Остаётся уговор.

Я хотел ей поверить. Но слово Тарена уже показало свою двойную сторону. «Керн кен» могло означать защиту дома, а могло — разрешение жить, пока мы полезны.

Лис принёс из задней комнаты вчерашнюю плитку итара. За ночь она остыла. Маира держала её в глиняном горшке, засыпанном песком, отдельно от других обломков. На белой глазури был один знак: круг, разомкнутый возле нижнего края. Я зарисовал его, не касаясь.

При холоде плитка выглядела невинно. Обычный кусок стены, чуть выпуклый, с царапиной на краю. Именно такие вещи историки любят помещать под стекло и называть свидетельствами быта. За стеклом предмет безопасен. Он не заставит зрителя музея четыре часа передавать невидимые таблички пустому человеку.

Я написал в блокноте: «Рабочий. Имя?»

Сая поняла вопрос и назвала два слога:

— Эвран.

Я записал. До этого он был для меня просто молодым рабочим. Это было удобно двору и опасно мне. Безымянного пострадавшего легко превратить в случай, помеху, ошибку при кладке. Эвран был человеком, которого вечером ждали дома.

Маира добавила несколько слов. Брен перевёл жестами: Эвран с пятого яруса, живёт с сестрой, работает в крепости третий сезон. Не древний писец и не добровольный участник

великого восстановления.

Я нарисовал кровать лекаря и вопросительный знак.

— Орен, — сказала Сая.

Хранитель обещал сообщить.

Снаружи ударили в дверь тыльной стороной копья. Не стражники — дворцовый посыльный. Он протянул Сае узкую деревянную планку с шестью зарубками. Вчера было семь дней. Сегодня оставалось шесть.

К планке привязали кусок голубой нити.

Сая потянула за неё и нахмурилась. Цвет означал холод. Двор сообщал, что комната остыла и готова к разбору. По договору мы должны были прийти.

Маира взяла со стены связку обычных нитей. Брен — два кожаных ведра. Лис шагнул к двери, но Сая преградила ему путь.

Он показал на круг и на себя. Ред назвал его итаром; значит, Лис считал, что имеет право увидеть опасное место.

Сая ответила коротко. Я не знал всех слов, но услышал имя Ред и отрицание. Брат однажды пошёл туда потому, что двор убедил его в особом праве. Сая не собиралась повторять эту ошибку с племянником.

Лис покраснел. Он схватил обугленную дощечку, написал на ней пять имён — местными знаками, которые я пока не умел читать, — и шестым поставил мой неровный русский росчерк. Потом ткнул пальцем в последний.

Если я вернусь чужим, он хочет знать это сразу.

Я зачеркнул свой росчерк и написал снова. Медленно, так, как подписывался дома: Матвей Горин. Под ним нарисовал пять линий Кернов.

— Матвей кен, — сказал Лис, не глядя на меня.

— Матвей кен, — согласился я.

Мы пошли втроём: Сая, Маира и я. Брен отправился следом с водой, хотя в договоре его имени не было. На третьем ярусе он свернул к своей будке и поднял ведро. Обычная работа давала ему право пройти почти куда угодно. Иногда водонос свободнее придворного переводчика.

У входа в печной комплекс нас ждал Орен. Под глазами у него залегли серые тени. Я сразу спросил об Эвроне.

Он ответил, выбирая знакомые мне слова: жив, спит, руки связаны мягкой тканью, лекарь не разрешает посетителей. Потом добавил новое слово и показал на собственную ладонь.

— Тов.

Я повторил вопросительно.

Орен согнул пальцы, будто писал стилем. Рука Эврана продолжала двигаться даже во сне.

Не просто перенос предметов. Письмо.

Я открыл блокнот и нарисовал плитку с кругом. Рядом — руку со стилем. Орен кивнул.

Маира вынула из сумки вчерашнюю нить, уже разрезанную, и сунула ему под нос. Потом показала на договор. Никаких людей в комнате, пока мы не решим, что это безопас-

но.

Орен поднял ладони. Сегодня мы должны были работать только в собрании осколков, наверху. Печной комплекс закрыт. Каналы остывают. Тарен условий не нарушал.

Слова прозвучали правильно. Поэтому я насторожился.

Нас привели в зал, где я впервые раскладывал фрагменты. Окна были распахнуты. На столах лежали холодные куски глазури, каждый отдельно на войлоке. Ни печи, ни жаровни. Возле стены стояли три писца, знакомые по прошлому посещению. Перед каждым лежали чистые восковые дощечки.

Пятерых участников не было. Только трое писцов, Орен, Сая, Маира и я. Если считать всех, получалось семь, но за столами сидели лишь трое. Формально договор снова соблюдался.

Тарен появился из боковой двери. Его ладонь была перевязана новой тканью. Он поприветствовал Саю как мастерицу, Маиру — как старшую дома, меня — как шен кера. Вежливость не меняла того, что у выхода встали стражники.

На центральном столе лежала медная рама из командной комнаты. Вчера мы вынесли её в холодный коридор. За ночь осколки укрепили тонкими полосками свежей глины. Рама оставалась холодной на вид.

Сая проверила её ладонью, затем приложила к глазури маленькую чашку с водой. Вода не дрогнула и не запотела. Она позволила мне подойти.

Я разложил копию вчерашней схемы. Пять групп знаков,

пять мест, пять предметов. Но теперь рядом с каждой группой лежала отдельная восковая дощечка. Тарен объяснил через Орена: писцы будут копировать мои рисунки. Никакого чтения ролей, никакого нагрева. Только запись.

— Эвран, — сказал я.

Наследник не отвёл глаз. Он произнёс фразу, из которой я понял лишь «ошибка стены» и «лекарь». Ошибка кладки, а не замысла. Несчастье, которое уже учли.

Я показал на трёх писцов. Затем на дверь. Пусть копируют снаружи.

Тарен отказал. По его словам, свет в зале лучше, а осколки нельзя выносить. Сая указала на окна: свет тот же в соседнем дворе. Орен предложил поставить писцов в разных концах комнаты.

Так спорят люди, когда опасность ещё можно измерять шагами.

Маира прошла по залу. Проверила стены костяшками пальцев, заглянула под столы, поднесла нить к щелям пола. Нить нигде не шевельнулась от тёплого воздуха. Тогда она указала на обувь каждого писца. Те сняли сапоги. В подошвах не было древних вставок.

Сая осмотрела чернильницы, восковые дощечки и стили. Всё новое. Холодное.

Оставалась рама.

Я приблизил лицо к глазури. В свежей глине между осколками блестели крупинки древней крошки. Сая заметила их

одновременно со мной. Она поскребла шов ногтем и показала Орену.

Он ответил, что крошка нужна для прочности. Сая резко рассмеялась. Для прочности мастера использовали песок и толчёный кирпич. Древнюю глазурь добавляли, когда хотели, чтобы новые швы держали память.

Тарен не стал притворяться удивлённым. Он напомнил, что рама холодна.

Холодные отдельные плиты безопасны — так я сам говорил вчера. Но теперь они были не отдельными. Их соединили в порядке, который я предложил во время экзамена.

Я указал на свежие швы и перечеркнул работу.

Тарен поставил передо мной договор. На нём были запрещены огонь, каналы и полный нагрев. Про древнюю крошку в холодной глине мы не написали ничего.

Формальная лазейка.

Сая взяла раму за край, намереваясь разобрать её. Двое стражников шагнули вперёд. Тарен остановил их движением обожжённой руки, но раму не отдал. Вместо этого предложил короткую проверку: один знак, один писец, одна дощечка. Если рука поведёт себя странно, работу прекратят.

Я посмотрел на Орена. Он был хранителем, человеком, который знал историю Реда и видел Эвра на за стеной. Он мог отказаться.

Орен сел первым.

Не по приказу. Или приказ уже звучал для него как соб-

ственное решение.

Маира привязала нить к его запястью. Другой конец вручила Сае. Я убрал четыре группы осколков под толстый войлок, оставив открытой первую. Тарен поставил возле Орена чистую дощечку.

— Один знак, — сказал я по-русски и поднял палец.

Орен понял.

Он коснулся стилем воска.

Сначала ничего не случилось. Писец провёл короткую черту, сверился с осколком, добавил вторую. Его рука двигалась спокойно. Сая не спускала глаз с нити.

Третью черту Орен вывел быстрее. Четвёртую — не глядя на образец.

— Стой, — сказал я.

Он остановился.

На воске был знак предмета перед первым участником. Не точная копия: нижняя линия уходила дальше, чем на осколке. Возможно, древний вариант. Возможно, обычная ошибка.

Орен отложил стиль и улыбнулся с облегчением.

В ту же секунду второй писец, сидевший в другом конце зала, поднял руку.

Его стиль ещё не касался воска. Пальцы двигались в воздухе, повторяя четыре черты Орена.

Третий писец повернул дощечку боком.

Так Орен повернул свою, хотя никто не просил.

Сая дёрнула нить. Орен вскочил. Второй писец опустил руку. Третий вернул дощечку прямо. Все трое выглядели растерянными.

Комната запомнила не знак. Она собирала совместную работу.

Тарен что-то быстро приказал. Стражники закрыли окна. Я не сразу понял зачем. Потом почувствовал тёплый воздух, поднявшийся от пола.

Под залом проходил дымовой канал.

Не тот, что мы перечеркнули на договоре. Не канал печного комплекса. Обычное отопление дворцового собрания, которым зимой сушили архив. Тарен снова не нарушал нарисованного запрета. Он просто выбрал другую комнату с другим источником жара.

Сая бросилась к окну. Стражник перегородил путь. Майра обмотала нить вокруг ножки стола и потянула на себя раму. Та сдвинулась на ладонь.

Орен закричал Тарену, чтобы тот открыл окна. Наследник ответил спокойно. Ещё мгновение. Нужно увидеть порядок.

Воск перед первым писцом блеснул. Рука Орена легла на стол. Второй писец повернулся к нему. Третий придвинул дощечку.

Моя правая ладонь раскрылась сама.

Я стоял, но тело знало, где должно быть кресло. Слева от Орена, ближе к закрытому окну. Я сделал шаг.

Сая схватила меня за рукав.

— Матвей.

Собственное имя помогло меньше, чем я надеялся. Комната не забирала память. Я помнил Саю, мастерскую, кухню общежития в моём мире, преподавателя, который ругал меня за слишком смелую датировку слоя. Просто всё это стало менее срочным, чем пустая строка на воске.

Я должен был поставить знак после трёх писцов.

Почему — не знал. Но необходимость была такой же простой, как закрыть дверь зимой.

Маира ударила молотком по краю рамы. Глазурь зазвенела. На секунду моя рука замерла.

Тарен велел ей прекратить. Старуха ударила снова.

Один из стражников двинулся к ней. Сая плеснула ему в лицо воду из проверочной чашки. Не обожгла, не ранила — просто заставила закрыть глаза. Затем перевернула стол.

Рама ударилась о каменный пол, но не распалась. Свежая глина оказалась прочной. Открытая группа осколков теперь стояла вертикально, лицом ко мне.

Роль усилилась.

Я сел на перевёрнутую скамью. Не в то место, которое выбирал сам, а туда, где древняя комната ожидала четвёртого участника. Орен подал мне стиль.

В его лице на мгновение проступило выражение человека, которого здесь не было. Не чужое лицо, не дух — привычка мышц. Поджатые губы писца, спешившего завершить знакомую работу.

Я взял стиль.

Первый писец начертил знак места. Второй — знак предмета. Третий — три короткие черты порядка. Их руки двигались одна за другой. Никто не смотрел на осколки.

На моей дощечке уже была строка. Я не помнил, как написал её начало.

Символы казались понятными. Не словами — действиями. Первый участник называл помещение. Второй перечислял принесённое. Третий подтверждал число. Четвёртый должен был принять.

Не перевести. Подписать.

Чужая рука вывела знак раскрытой ладони над ступенями.

Тот самый, который двор называл гербом основателя, а Маира — знаком мастерской.

Теперь я понял ещё одно значение. Не власть и не ремесло. «Принято на хранение». Ладонь принимала то, что поднимали по ступеням.

Белые панели со следами людей, державших свёртки. Итар за стеной, бесконечно перекладывающий невидимые предметы. Пятеро писцов не планировали поход. Они принимали груз.

Какой — я ещё не знал.

Стиль дошёл до конца строки. Там оставалось место для имени.

В голове возникла последовательность движений. Дуга,

две черты, точка в середине. Имя человека, чью должность я занимал. Я не слышал его голоса и не видел его памяти. Тело лишь знало подпись, повторённую сотни раз.

Я начал дугу.

— Матвей Горин! — крикнул кто-то от двери.

Брен.

Он стоял между стражниками с коромыслом на плечах. Одно ведро уже лежало на полу. Второе он швырнул в решётку отопительного канала.

Вода хлынула вниз. Из щели ударил пар. Все отшатнулись. Жар на мгновение стал сильнее, и моя рука рванулась завершить подпись.

Брен опустил коромысло поперёк решётки и сорвал её. Второе ведро ушло прямо в канал. Под полом зашипело. Потом стало темнее и холоднее.

Сая вцепилась в моё запястье обеими руками.

— Матвей кен.

Я увидел на её рукаве пять неровных линий, вышитых вчера. Рядом не было круга. Круг Лис добавил только на настенной дощечке как предупреждение, не как место среди нас.

Моя подпись была не древней должностью.

Матвей Горин. Неровный росчерк в блокноте. Студент, который однажды завалил доклад, потому что перепутал две карты раскопа. Человек, взявший долю хлеба у Кернов и обещавший не отдавать выводы без проверки.

Я вогнал стиль в воск остриём вниз.

Он прошёл до дерева и застрял. Древняя подпись осталась незаконченной: дуга и одна черта.

Орен рухнул на колени. Второй писец продолжал водить пальцем по столу, пока Маира не хлопнула его по ладони. Третий прижимал дощечку к груди и повторял одно слово:
— Тов. Тов. Тов.

Письмо.

Тарен стоял у рамы. Его обожжённая ладонь раскрывалась и сжималась. Он тоже попал в действие, хотя не сел за стол. Но вместо подписи его роль требовала получить написанное.

Он протянул руку к моей дощечке.

Я выдернул стиль и перечеркнул строку целиком.

Наследник ударил меня тыльной стороной ладони. Не сильно, словно хотел отогнать помеху. Потом замер, увидев собственную руку.

Это был первый поступок, которого он, возможно, не выбирал.

И первый раз, когда страх на его лице оказался сильнее любопытства.

— Окна, — сказал он.

Стражники распахнули ставни. Холодный воздух вошёл в зал. Брен вылил остатки воды на свежие швы рамы. Глина потемнела. Сая поддела медную полосу клином. На этот раз соединение треснуло.

Один осколок выпал.

Сразу ничего не прекратилось. Роль угасала медленно, как звон после удара. Орен ещё несколько раз складывал пальцы вокруг отсутствующего стиля. Писцы смотрели на свои руки с отвращением. Я чувствовал незавершённую подпись в мышцах, будто остановил чихание.

Маира собрала дощечки и разложила их на полу не по порядку. Потом заставила каждого написать собственное имя.

Первый писец справился сразу. Второй дважды начинал древний знак и лишь с третьей попытки написал себя. Третий не смог. Он назвал имя вслух, но рука выводила слово «ТОВ».

Орен написал своё имя мелко, в углу. Затем протянул дощечку мне.

Я написал по-русски: «Матвей Горин».

Буква «й» получилась кривой. Никогда ещё ошибка не радовала меня так сильно.

Тарен отказался писать. Он велел вынести раму в открытый двор и разбить свежие швы. Сая ответила, что сделает это сама. Наследник согласился.

Когда стражники подняли раму, из-под неё выпала тонкая медная пластинка. На ней были процарапаны пять ладоней вокруг закрытого ящика. С краю стоял разомкнутый круг и линия, уходящая за рамку.

Маира наступила на пластинку раньше, чем Тарен успел её взять.

Она указала на него, затем на договор. Нарушение было

очевидным, пусть способ и не попал в рисунки: холодные осколки соединили древней крошкой, людей посадили в подходящем порядке, зал нагрели снизу.

Орен сказал что-то долгим, усталым голосом. Я различил слова «Арк», «севар» и «шен». Арки дали слово пятерым. Или слово пяти условий. Нарушивший его не мог требовать продолжения работы.

Тарен посмотрел на красную полосу, которой была отмечена дощечка договора. Потом на мою незаконченную подпись.

Он мог приказать запереть нас. Вместо этого снял с пояса ключ и отдал Сае. Ключ открывал дверь печного комплекса. — Шесть, — сказал он, показав зарубки срока.

Срок не изменился. Но теперь мы могли входить без него. Это не было извинением. Это была новая ставка. Тарен увидел, что собранные роли действуют, и хотел продолжения ещё сильнее. Страх не остановил его; страх убедил, что сила настоящая.

Я поднял медную пластинку. Маира позволила, потому что она остыла. Пять ладоней не держали оружие. Они передавали закрытый ящик. Линия от круга уходила туда, где на целом плане должна была находиться скрытая комната итара.

— Не поход, — сказал я.

Орен понял русское отрицание. Я нарисовал на воске людей, идущих вниз, и перечеркнул. Потом нарисовал ящик,

который передавали вверх по ступеням.

Не армия спускалась к врагу. Что-то поднимали из нижнего города, принимали пятеро, записывали, а шестой человек за стеной уносил дальше или скрывал остаток.

Тарен коснулся знака ладони. Его собственная рука дрожала.

Он произнёс слово, которого я не знал:

— Варен.

Орен перевёл жестом: вынесенное с поля после битвы. Трофей или тело.

Маира покачала головой и показала, как укрывают ребёнка одеялом.

Груз мог быть не добычей. Люди у белых стен держали свёртки на уровне груди. Погребальные помещения шестого яруса. Ред, ушедший туда после нагрева. Итар, принимающий остаток общего действия.

У нас появилось две версии, и обе были опаснее торжественного похода.

Во дворе Сая разбирала раму. Каждый осколок она клала в отдельную корзину и пересыпала холодным песком. Брен носил воду. Писцы сидели у открытой стены и по очереди называли свои имена.

Я подошёл к третьему. Он всё ещё не мог написать себя. Тогда я показал свой русский росчерк и специально повторил кривую букву. Писец посмотрел, взял чистую дощечку и вместо имени нарисовал дом с двумя окнами.

Потом добавил возле него маленькую фигуру.

Собственная вещь. Не древняя роль.

Его пальцы перестали дрожать.

Я понял, зачем в мастерской помогли пять линий Кернов. Не потому, что знак обладал силой. Он напоминал о действиях, которые мы выбрали сами: Сая дала мне место, Брен назначил долю, Лис потребовал честности, Маира остановила поспешный вывод. Комната хранила согласованное действие мёртвых. Противостоять ему могло согласованное действие живых.

Перед уходом я вырезал незаконченную древнюю подпись из воска и завернул стружку в ткань. Не как реликвию. Как образец движения, которое моё тело уже знало.

Орен спросил, зачем.

Я показал на голову, потом на руку. Память могла солгать. Мышцы — тоже. Нам нужен внешний след того, где я остановился.

В мастерскую мы вернулись к полудню. Красная краска на дощечке так и не отмылась. Лис встретил нас с собственной восковой табличкой.

Сначала он потребовал, чтобы каждый написал имя.

Сая написала. Маира вместо букв оставила знакомые три линии рубца. Брен нарисовал коромысло. Я вывел «Матвей Горин», снова с кривой буквой.

Лис сравнил надпись с утренней и только тогда пропустил меня внутрь.

Я рассказал о раме, трёх писцах и отопительном канале. Когда дошёл до удара Тарена, Сая коснулась покрасневшей щеки. Пальцы задержались на одно мгновение и сразу отступили. В её взгляде было больше злости, чем жалости, и я был ей за это благодарен.

Мы положили медную пластинку рядом с планом семи ярусов. Лис повернул её несколькими способами. В одном положении линия от разомкнутого круга указывала вниз. В другом — к центру города. Без исходной стены решить было нельзя.

Маира принесла старую карту водяных ходов. На шестом ярусе один туннель проходил за белыми помещениями и поднимался к третьему. Брен провёл по нему мокрым пальцем. Тот заканчивался под бывшей мастерской, давно заложенной после обвала.

Там когда-то работал Ред.

Я написал два вопроса. Что пятеро принимали? Куда итар уносил остаток?

Лис добавил третий: почему его отец после четырёх дней пошёл именно на шестой ярус?

До праздника оставалось шесть дней. Тарен дал нам ключ от печного комплекса, но не свободу. Каждая найденная нами часть помогала ему собрать силу, которую он собирался обратить против города.

Я повесил рядом с испорченным знаком новую дощечку. На ней написал своё имя и оставил место для следующих

проверок.

Чужая рука уже знала древнюю подпись.

Теперь нам предстояло научиться замечать её раньше, чем она снова возьмёт стиль.

Глава 7. Стена из похорон

Ключ Тарена не открывал путь на шестой ярус.

Он открывал только двери, за которыми Арки хранили то, что уже вынесли оттуда.

Сая проверила это до рассвета. Мы вернулись к крепости, спустились в печной комплекс и прошли все помещения, куда подходил медный ключ. За первой дверью лежал уголь. За второй — новые рамы. За третьей стояли корзины с обломками, пересыпанными золой. Последний замок открыл узкую кладовую с белыми плитами.

Маира вошла туда одна.

Она не позволила зажечь жаровню. Мы держали два холодных светильника с маслом, а дверь оставили распахнутой. На полу лежала наша нить: один конец снаружи, другой обмотан вокруг её запястья.

Белые панели стояли рядами, как книги без названий. На каждой сохранились узкие вертикальные потёртости. Вчера Маира показала, что люди прижимались к ним спиной и держали свёртки. Теперь она выбрала одну плиту, опустилась перед ней на колени и приложила ладонь к нижнему краю.

Там, почти у пола, шла полоса синей глазури.

В ложной командной комнате её скрывал новый раствор.

Маира вынула из сумки щепку, отмерила высоту полосы и передала Сае. Потом показала на дверной косяк кладовой.

Сая провела такую же отметку на дереве. Синяя линия находилась ниже колена взрослого человека.

Не украшение для дворца. В жилом помещении её бы закрыли лавки и сундуки. В мастерской — мусор и глина. Такая полоса могла обозначать уровень, по которому собирали целую стену, или границу пола после перестройки.

Маира покачала головой на обе мои догадки. Она легла на камень боком, согнула руки на груди и коснулась синей отметки плечом.

Линия шла на уровне лежащего человека.

— Похороны? — спросил я.

Русского слова никто не понял, но жест сложенных рук был понятен.

Маира кивнула.

Сая закрыла глаза. Она знала это раньше или боялась знать. Белые плиты, которые Тарен выдавал за стены командного зала, были облицовкой мест, где лежали мёртвые.

Мы осмотрели склад. На обороте панелей сохранился старый раствор разных оттенков. Серый — на большей части. Красноватый — возле краёв. На нескольких плитах к раствору прилипли тонкие тёмные щепки.

Я принял их за дерево. Сая растёрла одну между пальцами и дала понюхать. Запах был слабым, землистым. Не дерево — ткань, пропитанная смолой или маслом.

Маира показала, как заворачивают тело.

На белой глазури не было имён. Только повторяющиеся

группы: круг, две линии, знак ладони, иногда маленькая птица. Двор считал их должностями участников. Но для склепа больше подходили метки семей, возрастов или порядка захоронения.

Я зарисовал двадцать панелей. На одиннадцати круг был разомкнут снизу, как знак итара. На остальных круг замыкался полностью.

Разница могла означать что угодно. Пустое место. Незавершённый обряд. Тело, которое вынесли. Я не стал выбирать красивый ответ.

В дальнем углу Сая нашла свежий скол. Плита треснула при снятии, и рабочие оставили половину. На поперечном краю виднелось отверстие толщиной с палец. Внутри застрял обрывок шнура.

Маира достала свою нить и пропустила через отверстие. Шнур уходил бы вдоль всей стены, соединяя панели.

Не магическая сеть. Простой способ удержать облицовку или опечатать ниши. Но если древняя комната помнила совместное действие, такая нить могла быть частью движения: потянуть, открыть, передать.

Снаружи слышались шаги. Сая быстро завернула обрывок шнура, я спрятал рисунки под рубаху. В кладовую вошёл Орен.

Он принёс известие об Эвроне. Рабочий проснулся и назвал сестру, но правая рука всё ещё пыталась писать на одежде. Лекарь привязал к его пальцам деревянную ложку. Ко-

гда Эвран вспоминал, что держит ложку для еды, движение прекращалось.

Ещё одно нынешнее действие против древнего.

Орен увидел Маиру на полу возле белой плиты и остановился. Она указала на синюю полосу, потом легла рядом, повторяя объяснение.

Хранитель долго молчал. Затем назвал слово, которое Тарен употребил вчера:

— Варен.

Он всё ещё думал о вынесенном с поля боя.

Маира схватила его за рукав и потащила к плите с тканью в растворе. Положила ему обрывок на ладонь. Орен узнал материал. Он назвал шестой ярус и ещё слово.

Сая перевела жестом: общий дом мёртвых.

Не царская гробница. Не могила воинов. Место, куда квартал приносил умерших, пока семья готовила отдельное захоронение или пока не приходило время общего обряда.

Орен присел. В его лице было не раскаяние, а работа: прежние объяснения рушились, и он пытался построить новые. Это делало его полезнее человека, который сразу просит прощения и перестаёт думать.

Я показал на белые панели, затем на ложную комнату под крепостью. Спросил рисунком: откуда именно их сняли?

Орен написал на воске номер участка. Шестой ярус, восточная галерея, семь ниш от старого водяного хода. Работы велись по приказу Тарена. Руководил ими человек по имени

Аст, старший над землекопами.

Маира узнала имя. Она резко подняла голову и показала на свой рубец.

Аст участвовал в том давнем испытании, после которого исчез Ред.

Орен не знал этого. Или хорошо сыграл незнание. Он сказал, что Аст теперь находится на шестом ярусе: готовит ещё одну партию плит к празднику.

Тарен дал нам ключ от хранилища, не разрешение на раскоп. Стража у нижних лестниц не пропустила бы придворную мастерицу, переводчика и старуху без письменного знака.

Маира вынула из кармана красную ленту праздника. Такие уже висели по всему городу. Она обмотала ею ручку корзины, положила сверху инструменты Саи и белую плиту, которую двор велел проверить.

Мы не шли на раскоп. Мы несли имущество Арков из одной мастерской в другую.

Орен закрыл кладовую и пошёл с нами.

Чем ниже мы спускались, тем меньше становилось красных лент. На четвёртом ярусе их привязали только у водяных будок. На пятом одна лента висела над лестницей, но кто-то разрезал её вдоль, превратив в две тонкие нити. На входе в шестой ярус праздничного цвета не было совсем.

Стражник остановил нас у решётки. Орен показал печать хранителя и корзину. Сая добавила несколько сердитых слов

о сроке. Люди, которые несут господское имущество и недовольны работой, выглядят убедительнее тайных разведчиков.

Нас пропустили.

Белый квартал начинался не со склепов. Сначала шли жилые камеры, высеченные в старом кирпиче. У входов сушилась одежда. Дети гоняли по канаве костяной шарик. Женщина чистила рыбу на плите с древним знаком, перевёрнутой глазурью вниз. Жизнь занимала любую пригодную поверхность и не спрашивала у археолога, к какому веку та относится.

Дальше дома редели. Воздух становился холоднее. В стенах появлялись прямоугольные ниши, заложенные белыми панелями. Некоторые были открыты и служили кладовыми. В одной спал старик, укрывшись двумя плащами.

Маира остановилась возле первой целой стены.

Синяя полоса шла вдоль неё у пола.

Ниши располагались в два яруса. Нижние начинались на уровне колена, верхние — над плечом. Панели закрывали их попарно. Вертикальные потёртости, которые я принимал за следы стоящих людей, совпадали с местами, где носильщики прислонялись, поднимая свёрнутое тело к верхней нише.

Пять ладоней принимали груз не вокруг стола. Пятеро поднимали его по ступеням галереи.

Я нашёл на полу медные гнёзда. В ложной комнате Тарен поставил на них стол. Здесь в гнёзда входили стойки подь-

ёмной рамы. Пять участников тянули верёвки с разных сторон, а писец отмечал принятое тело.

Шестой работник находился за стеной. Он принимал шнур, закреплял свёрток или переносил запись в другую галерею.

Комната древнего штаба окончательно исчезла. Перед нами был дом мёртвых с подъёмным устройством и учётной записью.

Орен прислонился к стене. Он сам десятки раз подписывал дворцовые описания «военных панелей». Теперь каждый лист превращался в свидетельство кражи со склепа.

— Ошибка, — сказал он по-русски.

Я когда-то научил его этому слову.

— Сначала ошибка, — ответил я. — Потом выбор.

Он понял не всё, но последнее показал жестом: два пути, рука выбирает один.

Восточная галерея была отгорожена досками. За ними стучали молотки. Мы прошли на звук и увидели рабочих, снимающих панели со стены. Белая пыль покрывала их лица. Пустые ниши за плитами зияли тёмными прямоугольниками.

Тел внутри не было.

Это удивило меня сильнее костей. Если место служило склепом, куда исчезли останки?

Маира подошла к открытой нише и провела ладонью по дну. На камне остались царапины от тяжёлого предмета, ко-

торый вытянули наружу. Потом она показала на боковую стенку: там темнела дата, вырезанная гораздо позже древней глазури.

Ниши использовали снова и снова. Тела или кости переносили после общего обряда. Белые панели закрывали временное хранение.

Старший землекоп Аст сидел у жаровни и отмечал снятые плиты на дощечке. Ему было около пятидесяти. Левое ухо отсутствовало, а на шее тянулся след ожога. Увидев Маиру, он выронил стиль.

Они знали друг друга.

Маира сказала имя Реда.

Аст оглянулся на рабочих и велел им продолжать. Потом отвёл нас за доски, в боковой проход. Орен хотел идти следом, но землекоп остановил его. Маира, напротив, потребовала, чтобы хранитель слышал.

Разговор начался тихо. Я понимал отдельные слова: огонь, шесть, стена, Ред, Арк. Аст показывал на шрам. Маира — на свой рубец. Они оба были в испытательной комнате.

Сая переводила мне короткими рисунками на пыльном полу.

Шесть человек. Белые стены. Нагрев. Пятеро стояли в основной галерее, Ред — за перегородкой. Аст занимал место у подъёмной стойки. Когда действие началось, они передавали свёрток вверх. Свёртка не было, но руки чувствовали вес. Пятеро остановились, когда погасили печь. Ред не оста-

новился.

Он ушёл по проходу за стеной.

Его нашли через несколько часов у другого выхода, на третьем ярусе, возле старой мастерской. Четыре дня он повторял одно слово и пытался открыть заложённую дверь. На пятый день узнал Саю и Брена, назвал Лиса итаром, а ночью исчез.

Аст утверждал, что Ред сам вернулся вниз.

Маира ударила его по лицу.

Не сильно. Как ставят точку.

Потом показала на печать Арков у него на поясе.

Аст опустил голову. Двор велел молчать о выходе на третьем ярусе. Реда объявили виновником неправильной сборки. Семье сказали, что он ушёл вниз по своей воле. Но Аст видел двух стражников, которые сопровождали его после исчезновения.

Ред не просто ушёл. Его привели обратно на шестой ярус.

Сая прислонилась к стене. Лицо у неё стало неподвижным. Я хотел взять её за руку, но не сделал этого. Сейчас ей нужна была не чужая попытка утешить, а место для собственной реакции.

Она сама нашла мою ладонь. Сжала один раз и отпустила.

Орен спросил, куда стражники повели Реда.

Аст указал на восточную галерею, дальше участка, который теперь разбирали. Проход обвалился несколько лет назад. По крайней мере, так было записано.

Маира потребовала показать.

Мы прошли мимо семи ниш. На полу тянулись две параллельные борозды от волокуши или тележки. В конце галереи стояла кирпичная стена, слишком новая для окружающей кладки. Раствор отличался по цвету. На кирпичах красовалась печать дворцового смотрителя.

Сая постучала. За стеной было пустое пространство.

Аст сказал, что не может ломать печать без приказа Тарена.

Брен, появившийся за нашей спиной, поставил ведра на пол.

Я не удивился. На шестом ярусе тоже требовалась вода, а водоносу были известны ходы лучше стражи. Он посмотрел на стену, на лицо Саи и сразу понял достаточно.

Потом открыл кран старой трубы над кладкой.

Вода потекла по стене. Свежий раствор потемнел, древний кирпич остался почти сухим. В нижнем ряду проявилась замазанная щель. Это был не обвал и даже не настоящая стена, а заложенная дверь.

Брен не ломал печать. Он искал протечку.

Я начинал ценить семейный способ понимать договоры.

Мы не вскрыли дверь. За досками работали люди, у входа стояла стража, а Тарен ждал отчёта. Один поспешный шаг лишил бы нас доступа ко всему ярусу.

Вместо этого Сая сняла отпечаток шва на мягкой глине. Маира измерила дверь нитью. Брен отметил, куда уходит

старая труба. Я зарисовал борозды на полу и печать.

Орен добавил свою подпись свидетеля.

На обратном пути Маира остановилась возле целой стены склепа. Она указала на одну из нижних панелей. В отличие от остальных, разомкнутый круг здесь соседствовал с маленьким знаком дома Кернов — тремя линиями, соединёнными у основания.

Такой рисунок повторял рубец на её руке.

Маира сняла платок и показала шрам Асту. Тот кивнул. Знак принадлежал не Кернам. Семья взяла его много лет назад с белой стены, не зная полного смысла. Он обозначал людей, которые закрывали ниши после переноса останков.

Хранителей дома мёртвых.

Маира была из их рода или училась у последних хранителей. Поэтому она знала комнаты, нити и скрытые места. Поэтому не доверяла отдельным знакам: один и тот же рисунок на мастерской и на склепе менял значение вместе с действием.

Она приложила ладонь к плите и произнесла длинную фразу. Сая перевела мне позже: мёртвые не приказывают живым. Живые делают из их следов приказ, когда им это выгодно.

Орен попросил рабочих остановить снятие панелей. Аст показал письменный приказ Тарена. Хранитель достал собственную печать и поставил рядом знак спора. До решения двора плиты нельзя было увозить.

Это была небольшая победа. Тарен мог отменить её одним словом. Но впервые человек дворца записал, что у древности есть не одно толкование и не один владелец.

У решётки нас уже ждали стражники. Красная лента на корзине не помогла: кто-то сообщил о споре на раскопе. Старший потребовал отдать рисунки.

Орен протянул ему официальную дощечку с печатью. Пока стражник читал, Маира сунула мои листы в пустое водяное ведро Брена. Он накрыл их деревянным дном и налил сверху два пальца воды.

Стража обыскала меня, Саю и корзину. Ведро водоноса никто не тронул.

Нас выпустили, но Орен остался. Он должен был объяснить остановку работ.

Перед тем как решётка закрылась, он сказал мне одно русское слово:

— Выбор.

Наверх мы поднимались молча. На пятом ярусе Маира устала и позволила Брену взять себя под руку. На четвёртом Сая остановилась у водяной будки и вымыла лицо. Белая пыль стекала по щекам, как бледные полосы.

— Ред жив? — спросил я.

Она поняла имя и вопросительный жест.

Сая не ответила. Шесть лет — я узнал число от Брена — слишком большой срок для простой надежды и слишком маленький для согласия со смертью без тела.

В мастерской Лис увидел отпечаток заложенной двери. Сначала он решил бежать на шестой ярус немедленно. Брен запер вход и встал перед ним. Они не кричали. Лис требовал право искать отца; Брен отвечал, что право не защитит от комнаты, которая уже однажды назвала его итаром.

Я положил между ними медную пластинку с пятью ладонями. Потом нарисовал путь: склеп, скрытая дверь, старая труба, выход возле прежней мастерской на третьем ярусе.

Чтобы попасть за стену незаметно, не нужно было штурмовать шестой ярус. Можно было найти верхний конец хода.

Маира достала старую карту воды. Брен поставил палец на заложенную мастерскую, где много лет никто не жил. От нашего дома её отделяли две улицы и один закрытый подвал.

Лис перестал рваться к двери. Он принёс верёвку, лампу и короткий лом.

Сая отобрала лом. Мы договорились идти после наступления темноты и сначала проверить воздух, кладку и выход. Никто не входит один. Никто не греет стены. Лис остаётся снаружи, пока мы не убедимся, что за проходом нет места итара.

Он спорил до тех пор, пока Маира не показала свой рубец и не назвала Реда. Затем согласился держать верёвку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.